

Секция IX. Синтаксис русского языка

Чему равен этот шаг?

Х. Н. Абдуллаев

Самаркандский государственный университет им. Алишера Навои (Узбекистан)

Инфинитив, неопределенная форма глагола, центр, периферия, колебания удельного веса семантических компонентов

Summary. The studying of this problem supposes first of all the analysis of the problem about the syncretism of the categorical meaning of verbal derivatives, in semantic structure of which constant fluctuations of the proportion of interacting parts of speech, namely, the verb on the one hand and noun, adjective and adverb on the other hand take place. The knowledge of the (conformity to natural laws) appropriateness of the functioning of syncretical units of the language will permit, to a certain extent, to increase the efficiency of the practice of teaching.

Инфинитив – не центр глагольной системы, а ее окраина

В. В. Виноградов ([1, 511])

или

...существительное, не дошедшее на один шаг до глагола

А. М. Пешковский ([2, 131]).

И действительно, чему он равен этот шаг, шаг инфинитива в качестве «окраины глагольной системы?» Можно ли измерить этот шаг? Если – да, то в каких единицах? Каковы критерии измерения этого шага, если таковые имеются вообще? Возможно ли это? А если попытаться определить это, используя в качестве вспомогательного средства шкалу переходности АВ, получившую в настоящее время достаточно широкое распространение при анализе особенностей функционирования синкретичных единиц языка, в составе которых вполне закономерно рассматривается семантическая структура инфинитива ([3, 30–34, 82–105], [4, 35–42], [5, 234–241], [6, 19–26.]). На схеме же это выглядит следующим образом:

A	Ab	ab	aB	B
читаю (личная форма глагола)	читать (инфинитив)		чтение читатель (отгл. сущ-ное)	книга ручка (имя сущ-ное)

Значит, можно предположить, что расстояние от Ab до A и есть тот шаг, который отделяет инфинитив от центра глагольной системы, демонстрирующей все дифференциальные признаки глагольного слова как единицы морфологии, а именно: *читаю* – лицо, время, число, наклонение, спряжение, вид, залог, переходность / непереходность. У инфинитива, как известно, нет категории лица, числа, времени, наклонения, то есть неопределенная форма глагола имеет лишь определенную часть дифференциальных признаков глагола, не обладает всеми глагольными признаками в полном составе и во всем многообразии, а лишь частично отражает их в сочетаемости с другими частями речи при определенных синтаксических функциях, которых у него достаточно много. Это, в первую очередь, сказуемое, а также подлежащее, определение дополнение и обстоятельство ([7, 379, 404, 551, 567, 698]).

Если расположить сочетания с инфинитивом в различных синтаксических функциях на шкале переходности АВ с учетом соотношения взаимодействующих дифференциальных признаков глагола (действие, процесс) и имени существи-

тельного (предметность), то получится, что усиление категориального значения действия позволяет проследить тяготение инфинитива к центру. А, то есть к глаголу, а усиление предметности – к центру В, к имени существительному.

Таким образом, наблюдаются колебания удельного веса семантических компонентов, что характерно для синкретичных единиц языка, каковым и является инфинитив, или неопределенная форма глагола. Может быть, эта неопределенность в какой-то степени и характеризует инфинитив как промежуточную, периферийную единицу между глаголом и существительным, на что и обращается особое внимание при изучении классификации частей речи и определении места инфинитива в оппозиции А – В в процессе преподавания морфологии современного русского языка, спецкурсов и спецсеминаров по программе бакалавриата, и магистратуры на факультете русской филологии СамГУ, в стенах которого большей частью учатся студенты, закончившие школу с русским, узбекским и таджикским языком обучения. Кроме того, в последнее время контингент студентов пополнился абитуриентами из дальнего зарубежья, в частности, из Южной Кореи, что закономерно предполагает более широкое использование разнообразных форм и методов изучения лингвистических дисциплин в условиях многоязычия Центральноазиатского региона с целью повышения эффективности учебного процесса в вузовской аудитории, представленной не только носителями русского языка, но и студентами, для которых русский язык не является родным.

Использование предложенной выше схемы анализа двойственной природы синкретичных частей речи апробировано на протяжении длительного времени и принесло положительные результаты во время лекционных и практических занятий, на студенческих конференциях, олимпиадах, а также при защите выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций.

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
2. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
3. Бабайцева В. В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация. М., 1978.
4. Бабайцева В. В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // Филологические науки. 1983. № 5.
5. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике. М., 2000.
6. Современный русский язык. Теория языковых единиц / Под ред. Е. И. Дибровой. Т. 2, М., 2001.
7. Грамматика русского языка. Т. 2. Ч. 1. М., 1960.

Новый подход к типологии синтаксических единиц устной речи

С. В. Андреева

Педагогический институт Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Реальная коммуникация, специализированные единицы, синкретичные единицы, зоны употребления, система

Summary. In the paper a new typology of Russian syntactic units used in oral speech is worked out on basis of their language and speech characteristics. A system of syntactic units is set up; the domains of their usage and functions are described. The new approach has given an opportunity to reveal the field structure of oral communication domains and their syntactic units.

В результате нашего исследования разработана типология синтаксических единиц устной русской речи на основе комплексного рассмотрения их языковой природы и речевых характеристик. Таким образом решаются акту-

альные для русистики проблемы – выделения наименьших структурных единиц устного синтаксиса, определения их системного взаимодействия и коммуникативного потенциала.

Членение потока устной речи представляется довольно затруднительным. Выделенные из этого потока единицы далеко не всегда обладают признаками предложения как грамматической единицы. В результате коммуникативно-синтаксического анализа выделены и описаны пять основных единиц (типичная предикативная, структурно модифицированная предикативная, функционально-семантически модифицированная предикативная, предикативно-релятивная, релятивная) и три вспомогательных (дискурсив, диалогический повтор, звуковой жест). При этом учитывалась предикативность / непредикативность единиц, их автосемантическая / синсемантическая, модусная и / или диктумная составляющая, соответствие / несоответствие грамматической модели предложения, фактуальная / коммуникативная информация, функциональная направленность.

Основные единицы речевой коммуникации – это наименьшие структурные единицы как предложенческого типа на основе свободного конструирования, характеризующиеся реальной, формальной или актуально-ситуативной предикативностью, так и клишированные единицы релятивного типа, не обладающие признаками грамматической моделируемости и предикативности, но отличающиеся семантической и интонационной завершенностью и вместе с предложенческими единицами образующие «костяк» («тело») дискурса, особенно в устной диалогической речи.

Вспомогательные единицы факультативны, т. к. их функционирование ограничено конкретными речеоорганизующими задачами и соответствующими зонами речевой коммуникации. Частотность и соотношение всех выделенных единиц являются существенными признаками, позволяющими дифференцировать устную речь, выделить в ней различные типы дискурса.

На основании рассмотрения трех типов дискурса (разговорно-бытового, массово-информационного и научного) установлено, что существуют три зоны речевых единиц: коммуникативно-информативная зона (передают фактуальную информацию), коммуникативно-регулятивная (передают коммуникативную информацию), дискурсивно-структурирующая (передают дискурсивную информацию). Кроме того, в континууме речевой коммуникации существует, хотя и стоит особняком и реализуется далеко не во всех типах устного дискурса, зона безусловно-рефлекторных проявлений («докоммуникативных» знаков – сигналов психо-физиологического и эмоционально-чувственного состояния говорящего). В результате взаимодействия выделенных зон образуются пространства их наложения. Комплекс зон имеет признаки полевой системности (см. [1]).

Наряду с многофункциональной типичной предикативной единицей, использующейся в большинстве зон речевой коммуникации, в языке-речи определенные функции формируют **специализированные** единицы зон (например, в коммуникативно-регулятивной зоне функционируют собственно коммуникатив, коммуникатив с формальной предикативностью, диалогический повтор регулятивной направленности). Выявленные **синкретичные** единицы, которые еще не были в сфере внимания исследователей, представляют особый интерес. Они относятся к разным звеньям шкалы пере-

ходности (пространствам наложения зон речевой коммуникации), демонстрируя дискретно-континуальную природу языка-речи. Диффузность зон речевой коммуникации определяет и диффузность функций синтаксических единиц. Так, типичные предикативные единицы могут выполнять двойственную роль информатива и коммуникативного регулятора: представления программы (ведущего) и приветствия (*Встречайте утро / в прямом эфире на канале «Россия»!*; *Доброго утра вам желает вся наша бригада / и я / Михаил Ситин!*); информирования о следующем выходе в эфир и формулы прощания (*Завтра в это же время дня обязательно увидимся //*).

Основные антиномии «говорящий – слушающий», «экономия – избыточность» разрешаются в устной речи благодаря клишированности, конвенционализированности большого числа единиц. Поскольку в стандарте заинтересованы как говорящий, так и слушающий, естественно расширение общественного диапазона функционирования клишированных и конвенционализированных единиц: универсальная мно-гофункциональная типичная предикативная единица все чаще «уступает место» специализированной маркированной речевой единице – коммуникативу.

Процесс формирования коммуникативов продолжается. На пути «коммуникативизации» и «дискурсивизации» отмечаются единицы с разной степенью утраты номинативного содержания и свернутости структуры. В связи с ускорением темпа жизни на-блюдается активизация коммуникативных процессов: 1) функциональная конвенциализация типичных предикативных единиц, приводящая к угасанию в них информативной функции, 2) формирование коммуникативов как собственно речевого, так и языкового уровней. Названные процессы так и хочется обозначить емкой формулой В. Г. Костомарова – «Наш язык в действии».

Применение нового подхода позволило установить полевую структуру зон и единиц устной коммуникации. Выделение на основе комплексного анализа структурных признаков и функционально-прагматического потенциала этих единиц позволяет по-новому квалифицировать многие факты реальной устной речи, выявить соотношение речевых единиц для каждого типа устного дискурса в виде своеобразных «векторов» коммуникации. Предпринятый нами двусторонний парадигматико-синтагматический подход к изучению речевых единиц приводит к выводу о продуктивности его применения для изучения континуума коммуникации, поскольку позволяет выявить закономерности функционирования языковой системы в разных речевых сферах, а также осознать «гибкую стабильность» (В. Матезиус) дву-сущностного единства язык-речь, динамичность полевой структуры зон коммуникации. Совокупность полученных результатов создает фундамент **нового направления синтаксиса** – изучения не только отдельных синтаксических единиц, а всей реальной коммуникации как динамично меняющегося полевого устройства.

Литература

1. Андреева С. В. Речевые единицы устной русской речи: Система, зоны употребления, функции. Изд. 2-е, испр. М., 2006.

К вопросу о парантезах, включающих вопросительный сегмент (на материале прозы рубежа XX–XXI веков)

Е. А. Балова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Нальчик

Сегментация, параграфемные средства, скобки, тире

Summary. In this report the problem of the use of brackets as dividing signs in segmentation of an author's monologue is considered.

Одним из основных способов возможного синтаксического оформления вопросно-ответных конструкций в составе авторского монолога является использование параграфемных средств.

Для параграфемных средств как технического элемента при оформлении вопросно-ответных конструкций характерно «смысловое» выделение сегмента текста, «обособленное» размещение в составе предложения, выделяющее таким образом его рему. Этот прием (употребление параграфемных средств, «авторских» знаков препинания) призван сконцентрировать внимание читателей на особенно

острых, по мнению автора, вопросах текста. Иногда в подобных конструкциях графические и параграфемные знаки являются основными носителями экспрессивности.

Параграфемные средства выполняют в тексте соединительную (интегративную), выделительную (актуализирующую) и делимитативную (разделительную) функции. Кроме этого, они способствуют выражению семантико-стилистических оттенков речевого произведения.

На письме параграфемные средства фактически являются и маркерами интонации, а интонация, как известно, относится к специфическим выразителям речевой структуры

предложения. Движению общей логики развития мысли, расчленению ее на отдельные сегменты, составляющие ситуацию, связыванию их между собой способствуют параграфные средства, в том числе и скобки.

Однако в последнее время интонационный принцип подвергается переосмыслению и рассматривается либо как выражение коммуникативного синтаксиса – актуальности членения предложения и информативной значимости его компонентов, либо как выражение субъективно-модальных значений с подчеркиванием авторской позиции. Это, возможно, связано с развитием актуализирующей прозы. Отсюда – повышение роли интонации.

В связи с тем, что в актуализирующей прозе заметно возрастает роль интонации, на первый план выходит коммуникативно-прагматический принцип пунктуации, что приводит к изменению и переакцентуации функций скобок. Их фразообразующие и текстообразующие функции отходят на второй план, они приобретают новую коммуникативно-прагматическую функцию актуализации.

Способность скобок делимитировать различные синтаксико-композиционные отрезки текста приводит к тому, что в них все чаще заключаются авторские отступления различного характера: рассуждение, пояснение, реплики, ремарки и т. д. См.:

Клоун с шутивым отчаянием потер лысину и принялся говорить – да настолько сложно, запутанно и витиевато, что Клару пробил пот от усилий понять говорящего. Что-то о потоках животворной магии, где возникают (как, почему, отчего?..) какие-то «возмущения». О том, как эта сила взаимодействует с «материей» (почему, например, оживают люди и все им подобные, а скалы остаются скалами?), о том, что возникает необходимость «сбалансировать рассогласование», а поскольку «природа не терпит пустоты», то и возникают наделенные сознанием сущности, обладающие куда большим, чем иные, «средством» с животворной магией, способные управлять этой силой, поворачивая мир вокруг себя (тут Клара поняла, что ум у нее натурально заходит за разум – как это можно «поворачивать мир вокруг себя»?); толковал Кицум и о том, что «неоднородности исходных возмущений» обусловлены всеобщим и великим разделением сущего на два начала

– светлое и темное, легкое и тяжелое, мужское и женское... (Ник Перумов. Война мага. Т. 4: Конец игры. Ч. 1).

Парантеза (любой сегмент текста, заключенный в скобках) все чаще выступает как способ синтаксико-семантической уплотненности высказывания. Наблюдается определенная асимметрия между ее смысловыми и тектоническими компонентами. При интонировании этих конструкций акустическими маркерами полной стандартной формулы являются две глубокие значительные паузы, на письме же им соответствуют скобки. Не случайно многие исследователи приходят к выводу, что именно скобки сильнее других парных знаков изолируют помещенное в них сообщение. Приведенный пример наглядно иллюстрирует это утверждение.

Однако не все делают различие между употреблением скобок и иных параграфных средств (знаков препинания и иных средств выделения, концентрирующих внимание читателей на особенно острых, по мнению писателя, проблемах и значимых вопросах). Для многих они являются синонимичными средствами, позволяющими «вычитать» из основного сообщения отдельную его часть, которая не влияет на общий смысл. Ср.:

1. *Сложенная из черного камня (откуда только возили?), она могла вместить... все поселение Сов, а то и все их земли (Наталья Некрасова. Великая игра).*

2. *Как говорил господин Элвир, Девятый Бессмертный – где они теперь все? – каждому народу нужна своя легенда (Наталья Некрасова. Великая игра).*

Такой подход ориентирован на эффект сильного обособления, но не учитывает его коммуникативно-прагматическую характеристику.

Сочетание же скобок с иными параграфными средствами встречается редко. См.:

Я хочу поговорить с тобой... – (Поговорить?! Что страшное?) – Спросить тебя... (Александра Баркова. После Пламени. Т. 2: Пленник судьбы).

На наш взгляд, подобная перенасыщенность текста знаками препинания неизбежно снижает эффективность воздействия избранных автором экспрессивных средств на читателя. Кроме того, подобная «авторская» пунктуация может восприниматься читателем как «ошибка» и, соответственно, вызвать негативное отношение к тексту.

Морфосинтаксические изменения в русском языке: падеж прямого объекта при глаголах с отрицанием*

М. Бэрман, Д. Браун, Г. Корбетт, А. Красовицкий

Университет Саррей, Гилфорд (Великобритания)

Морфосинтаксис, исторические изменения, конкуренция морфологических форм, статистика

Summary. We discuss the choice of genitive or accusative for the direct object of negated verbs in Russian, and how the relative magnitude of factors that influence this variation changes over time. The research covers a period of 200 years (1800 – 2000) split into short periods of time. For each period we provide statistics of case forms with respect to various semantic, morphological or syntactic factors relevant for the variation of the genitive – accusative and detail the role that these factors have played in the expansion of morphosyntactic innovations.

На протяжении XIX и XX веков в русском языке произошли значительные изменения, связанные с использованием в одной и той же синтаксической позиции альтернативных морфологических форм. Один из примеров этого – конкуренция родительного и винительного падежей прямого объекта при глаголах с отрицанием в таких конструкциях, как *Он не купил журнал* (вин. пад.) / *Он не купил журнала* (род. пад.).

Хотя выбору падежа прямого объекта при глаголах с отрицанием посвящено значительное количество работ (см., например, библиографию в [1]), причины развития винительного падежа на месте родительного в данной конструкции, как и факторы, определяющие выбор говорящими одной из двух допустимых падежных форм, до конца не выяснены.

В настоящей работе мы анализируем различные факторы, влияющие на выбор между родительным и винительным падежом в рассматриваемых конструкциях, взаимодействие

этих факторов и то, как их значимость меняется с течением времени. Исследование охватывает период между 1801 и 2000 годами и основано на статистическом анализе частотности конкурирующих форм, произведенном для равных (каждые 20 лет) промежутков времени. Материалом для исследования явился корпус текстов объемом около 30 миллионов слов.

Одно из направлений исследования касается влияния вида и формы управляющего глагола на морфологическое маркирование объекта. Так, в таблице 1 приводятся данные о частотности винительного падежа при перфективных и имперфективных глаголах, а также при личных формах и инфинитиве для нескольких из исследованных периодов. Статистический анализ показывает, что различные факторы – глагольный вид и форма управляющего слова – по-разному влияют на скорость распространения винительного падежа, в связи с чем встает вопрос о причинах этих различий.

* Исследование выполнено в рамках проекта *Short-term morphosyntactic change*, осуществляемого Морфологической группой университета Саррей (Surrey Morphology Group). Участники проекта: Гревиль Корбетт, Мэтью Бэрман, Данстан Браун, Александр Красовицкий, Алисон Лонг. Проект финансируется фондом *Arts and Humanities Research Council*, Великобритания (грант RG/AN4375/APN18306).

Факторы Периоды	Вид глагола				Глагольная форма				Общая статистика	
	имперф.		перф.		лич. форма		инфинитив		%	кол-во
	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во
1861–1880	7	11	16	13	8	17	23	7	11	25
1881–1900	13	12	29	7	12	11	36	8	16	19
1901–1920	10	13	22	22	5	12	36	20	16	35
1918–1959 (Restan 1960)	25	306	40	344	21	336	60	321	31	657
1981–2000	32	76	49	60	31	92	67	40	41	132

Таблица 1. Частотность формы винительного падежа с учетом вида и формы глагола (проценты и абсолютные значения).

Согласно теории, предложенной Аланом Тимберлейком (Timberlake 1986), выбор падежа в рассматриваемых конструкциях зависит от сферы действия глагольного отрицания, а именно от того, распространяется ли отрицание на глагол и объект или только на глагол. Например, в конструкциях с инфинитивом или личной формой перфективного глагола отрицание не распространяется на объект, что делает более вероятным маркирование объекта винительным падежом. Статистика показывает, что до конца XIX века фактор «сфера отрицания» (и, соответственно, вид и форма глагола) не имел существенного влияния

на выбор падежа в рассматриваемых конструкциях, рост его влияния наблюдается только в языке первой половины XX века.

Кроме того, мы рассматриваем вопрос об относительной значимости различных факторов и их способности взаимодействовать или нейтрализовать друг друга. Так, например, статистический анализ, учитывающий одновременно два фактора – вид глагола и его форму (таблица 2), свидетельствует о том, что вид оказывает влияние на выбор падежа объекта у личных форм, в то время как в инфинитивных конструкциях его влияние нейтрализуется.

Факторы	Глагольная форма	Объект в винительном падеже	
		%	кол-во
Перфективный глагол	Инфинитив	68	21
	Личная форма	43	39
Имперфективный глагол	Инфинитив	65	19
	Личная форма	26	53

Таблица 2. Относительная значимость факторов вида и формы глагола при выборе падежа прямого объекта (проценты и абсолютные значения для формы винительного падежа).

Таким образом, используя статистический анализ, мы смогли определить влияние различных факторов на выбор одной из конкурирующих форм прямого объекта при глаголах с отрицанием, проанализировать значимость этих факторов в различные периоды времени и получить комплексную картину развития данной морфосинтаксической инновации.

Литература

1. Corbett G. G. Genitive of Negation. A Bibliography // Case in Slavic. 1986.
2. Restan P. A. The objective case in negative clauses in Russian: genitive or accusative? // Scando-Slavica. 6. 1960.
3. Timberlake A. Hierarchies in the Genitive of Negation // Case in Slavic. 1986.

Грамматика связки

Н. А. Герасименко

Московский государственный областной университет

Связка, модально-оценочная семантика связки

Summary. The research deals with the analyses of modal-estimation conjunctions expressing “external perception”.

Аналитические процессы в синтаксисе русского языка связаны (в том числе) и с развитием системы связок. Возможность раздельного выражения вещественного и грамматического значений, создаваемая присутствием в сказуемом связки, позволяет вовлечь в систему сказуемого части речи, не способные своими формами выразить грамматические значения предложения: модальность, время и лицо, т. е. предикативность. Разнообразные модально-оценочные значения, выражаемые связками, – это одна из специфических черт неглагольного предложения в целом.

Модальные значения связок неразрывно связаны с оценочными значениями, потому что операция приписывания субъекту характеризующего признака предполагает обязательную (выраженную или имплицитную) оценку этого признака в эмоциональном или рациональном поле оценочности. Рассмотрим модально-оценочную семантику группы связок с общим значением внешнего восприятия, или восприятия со стороны, в которых оценочный компонент семантики проявляется особенно ярко: *быть, являться, представлять собой (из себя), восприниматься; выглядеть, смотреться; притворяться, прикидываться, возомнить себя; считаться, почитаться, расцениваться, признаваться, числиться; славиться, слыть; видеться, представляться, чудиться, мниться* и под.

Нейтральными в оценочном значении являются связки *быть, являться, представлять собой (из себя)*, которые выражают модальное значение **достоверности** обладания признаком и **нейтральное**, «нулевое» **оценочное** значение: *По*

старомосковским меркам помещение было просторное, метров тридцать (Б. Акунин); *Мы все являемся сейчас бедняками* (Т. Устинова); *Кинематограф «Парижана» на Васильевском представлял собою полуподвальное помещение сдесятью рядами по двенадцать кресел* (Д. Быков); *А что представляла из себя она, если не считать ее необъяснимой прелести, сводящей мужчин с ума?* (В. Катаев).

Семантика **внешней достоверности** выражается связками *выглядеть, восприниматься, смотреться, признаваться*, также обозначающими обладание признаком как достоверное, но эта достоверность несколько ослаблена добавочным оттенком ‘с виду’. То есть *выглядеть, восприниматься, смотреться* можно как обладатель признака, а на самом деле не обладать этим признаком: *Первое впечатление было такое: она выглядит взрослее своих восемнадцати лет* (Б. Акунин); *Бурный роман королевича с великой американкой на фоне пурианизма первых лет революции воспринимался в московском обществе как скандал* (В. Катаев); *В своем прикиде девица смотрелась огородным чулом, и все давились от смеха, глядя на нее* (В. Пелевин); *Егор всегда признавался у нас самым веселым* (Т. Устинова). Семантика этих связок может быть охарактеризована как ‘внешняя достоверность’. Субъектом модальной оценки является говорящий, группа лиц или лицо, названное в контексте.

Модально-оценочная семантика связок *славиться, слыть* реализуется в поле достоверности со специфическим модальным оттенком **общеизвестной достоверности**: *Хотя*

их гимназия формально ничем не отличалась от других казенных гимназий и называлась Одесская первая гимназия, все же она была некогда Ришельевским лицеем и славилась тем, что в ее стенах побывали как почетные гости Пушкин, а потом и Гоголь (В. Катаев); Среди нас они слыли аристократами (В. Катаев). Связка славиться имеет положительные оценочные коннотации, связка слыть – отрицательные.

Связки *считаться, почитаться* (устар.), *расцениваться, числиться* выражают модально-оценочное значение **внешней недостоверности**: *Одно из его немногочисленных стихотворений (кажется, то, которое нравилось Блоку) считалось у нас шедевром* (В. Катаев); *Твое сегодняшнее поведение расценивается как демарш* (В. Токарева); *Был некий Черемисин, несимпатичный мальчик, он не числился у Глебова в друзьях, но прикатил вместе со всеми* (Ю. Трифонов). Автор модальной оценки может быть назван в контексте: *У нас, у Глебова* – словоформы, обозначающие автора модальной оценки. **С юридической точки зрения**, – говорит Константин Иванович, – *трусость почитается свойственной человеку* (Ю. Трифонов). В высказывании обобщается мнение определенной группы людей. В некоторых случаях установить автора оценки не представляется возможным. Это происходит тогда, когда связка имеет квазипассивное значение: *считается, называется, зовется, расценивается* и под.: *О, да, уклонение от опасности* [в военных условиях. – Н. Г.] *признается уголовнонаказуемым* (Ю. Трифонов). В таких случаях в предложении выражается обобщенно-личное значение (признается всеми).

Модальность **недоверия** обнаруживается в высказывании, которое содержит связки: *притворяться, прикидываться, возомнить себя* и под.: *Чтобы не говорить с ним, Ирина притворилась спящей* (М. Шишкин); *Вечно он прикидывается дураком, когда надо что-то решать* (Т. Устинова);

Глагол *встречать* как средство выражения логической пропозиции в полипропозитивном предложении.

О. Ю. Дементьева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Глагол «встречать», логическая пропозиция, полипропозитивное предложение

1. Известно, что синтаксически простое предложение может быть семантически сложным. Именно такие предложения вызывают наибольшие трудности у тех, для кого русский язык не является родным. Задача преподавателя в таких случаях заключается в том, чтобы представить «свернутую» информацию изосемически, средствами сложного предложения, а также эксплицировать имеющиеся логические пропозиции. Так, «расшифровывая» простое полипропозитивное предложение *Они встречали Новый год во Франции, с гусиной печенкой и устрицами* преподаватель, несомненно, выделит три событийных пропозиции: *Они были во Франции, Они ели гусиную печенку и устриц, Наступил Новый год* – и логическую пропозицию временной и пространственной соотнесенности, а также причинно-следственной взаимосвязи всех трех событий: *Когда они отмечали Новый год, они (по этому случаю) были во Франции и ели гусиную печенку и устриц.*

2. Средством выражения логической пропозиции временной и пространственной соотнесенности, а также (не всегда) причинно-следственной взаимосвязи событий в рассмотренном предложении является глагол *встречать*. Эта функция характерна для глагола *встречать* в случае, когда он является предикатом полипропозитивного предложения: ср.: *Крым встретил нас страшной жарой, Море встретило нас штормом, Лес встретил детей тишиной и запахом прелых листьев, Их встретили (с) хлебом-солью, Нас встречали сказками о проделках кота*. Мы не рассматриваем монопропозитивные предложения, в которых глагол *встречать* выступает в функции акционального предиката (*Маша встретила Лену*), авторизационного модификатора бытийного предиката (*Эту модель «Волги» можно встретить только в музее*) или компонента описательного предиката (*Предложение Антона встретило поддержку всех студентов*).

А иные, вроде козлотородого Бурмина, возомнили себя крушителями старых норм, создателями новых (Ю. Трифонов). Говорящий знает о недостоверности обладания приписываемым субъекту признаком и выражает это, отбирая соответствующую связку.

Связки *видеться, представляться, чудиться, мниться* выражают модально оценочное значение **мнимости**. Говорящий (или автор модальной оценки) высказывает предположение, представляя его как реально существующий признак субъекта: *Все ваше дело, матушка, видится мне в самом благополучном исходе* (М. Салтыков-Щедрин); *Он был так взволнован, так настойчив, так убедительно рисовал нам жизнь в своем родном селе, которое уже представлялось нам чем-то вроде русского рая, написанного кистью Нестерова* (В. Катаев). Связки *чудиться* и *мниться* были более употребительны в XIX веке, но сравнительно редко используются в современном русском языке: *Она чудится мне светлым ангелом* (А. Островский); *Все-то он мнится мне бесом каким-то* (А. Островский); *Город чудился ему великаном, богатырем, витязем* (В. Катаев). Способствует развитию указанного модально-оценочного значения частично сохранившееся в этих связках вещественное значение.

Рассмотренные разновидности модально-оценочных значений группы связок с семантикой внешнего восприятия показывают разнообразие модальных оттенков, реализующихся в высказывании. Связка как обязательный компонент неглагольного предложения отражает выбор говорящего, обозначающего свою позицию в высказывании, что чрезвычайно важно при восприятии и анализе любого текста, а особенно художественного. Все сказанное свидетельствует о необходимости тщательного изучения модально-оценочной семантики отдельных групп связок и выявления всей системы модально-оценочной семантики, выражаемой связками в неглагольном предложении.

3. Значение глагола *встречать* в функции предиката полипропозитивного предложения толковыми словарями специально не рассматривается. Ю. Д. Апресян толкует значение глагола *встречать* (независимо от его функции в предложении) через значение контакта физического, перцептивного, ментального, интеллектуального: *встречать друга, поезд*; при этом отмечается корреляция признаков моментальность – неконтролируемость ([1, 268]). На наш взгляд, именно значение контакта лежит в основе употребления глагола *встречать* как средства выражения логической пропозиции; правда, значение контакта трансформируется в значение совпадения времени и места происходящих событий.

4. Рассматриваемые полипропозитивные предложения можно разделить на четыре группы, в зависимости от того, имена каких семантических классов занимают позиции подлежащего и прямого дополнения, а также косвенного дополнения в Т. п. или обстоятельства:

1) позицию подлежащего и прямого дополнения занимают личные имена; также присутствует компонент пропозитивного характера со значением орудийности или образа действия, представленный формой Т. п. соответственно с предлогом *с* или без него: *Нас встретили (с) хлебом-солью, Она встретила его (с) улыбкой, Он встретил меня крепким рукопожатием, Нас встречали сказками о проделках кота, Коммандос встретили их градом пуль*. Два события: появление первого субъекта (прямое дополнение) и представленное косвенным дополнением действие – реакция второго субъекта (подлежащее), – связаны единством времени и места, а также причинно-следственными отношениями (не всегда); эту функцию выполняет занимающий позицию сказуемого глагол *встречать*.

2) позицию подлежащего занимает имя – название локума, позицию прямого дополнения – личное имя; в позиции

косвенного дополнения (Т. п.) – компонент с пропозитивным значением: *Море встретило нас штормом, Крым встретил нас страшной жарой, Лес встретил нас тишиной и запахом прелых листьев, Цех встретил его лязгом и грохотом, Грозный встретил нас столбами дыма, заревом пожаров, Уволенных в запас родина встретит подорожавшей водкой.* Первая ситуация – чей-то приезд, появление в пределах локума – представлена именем ее субъекта в позиции прямого дополнения; вторая ситуация – локум и его характеристика или локум и события, происходящие в его пределах в данный момент; обе ситуации связаны единством времени и места, но не причинно-следственными отношениями.

3) позицию подлежащего занимает имя – название временного отрезка, позицию прямого дополнения – личное имя, в позиции косвенного дополнения (Т. п.) – компонент с пропозитивным значением: *Нас утро встречает прохладой...*

4) позицию подлежащего занимает имя – название субъекта, позицию прямого дополнения – имя – название временного отрезка, события или праздника, *Мы встретили рассвет / утро в лесу, Они встречали Новый год на даче /*

весело / с фейерверками, По традиции «моржи» встречают Новый год в проруби, Актриса встречает новый сезон ролью Джульетты / в роли Джульетты, У него есть всё, чтобы спокойно встретить старость, Пятидесятилетие Победы встретим похоронками и панихидами, Мы встретим этот праздник не только трудовыми успехами, но и за совместным столом. Как видно из приведенных примеров, наряду с позицией косвенного дополнения в Т. п. в предложении может присутствовать позиция обстоятельства места и образа действия. Первая ситуация – наступление какого-либо события или периода времени; вторая ситуация – место нахождения субъекта или действие (состояние) субъекта в этот момент: *Наступил рассвет. Мы были (в этот момент) в лесу. Начался новый театральный сезон. Актриса исполняет роль Джульетты (в это время).* Интересно, что ситуации связаны в рассматриваемом случае – а также в случае 3) – только единством времени.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Конструкции уподобления: антропоцентрический аспект

А. М. Еримбетова

Казахский национальный аграрный университет, Алматы (Казахстан)

Уподобительные отношения, сравнение, метафора, ассоциации

Summary. In the paper the role of comparison in the cognitive process described.

Одна и та же содержательная ситуация (уподобительные отношения) получает свое выражение в языке разными формами. Различия в описании находят отражение в выделении отдельных элементов, разных сторон этих элементов и разной группировке элементов, что свидетельствует о проявлении избирательной деятельности и каждого индивида, и каждого языка. Формальное сходство в номинации понятий в обыденном сознании может служить причиной отождествления самих понятий: *Чем-то они были похожи на русских, но что-то и отличало их от наших офицеров* (В. Пиккуль). Происходит процесс оценки единичного объекта с точки зрения его соответствия образу представителя определенного класса, актуализируемой системе характеристик, связанных с тем или иным типом объектов, и, следовательно, с точки зрения возможности его отнесения к обозначенному классу.

Отношения сходства или различия реализуются при условии незнания говорящим каких-либо характеристик первого термина, говорящий соотносит его с представлением об известном ему «классе»: Если же говорящему известно о действительной принадлежности данного объекта к определенному «классу» объектов, в результате использования предикатов сходства возникает ситуация «примеривания» к нему признаков другого «класса»: *У этих больших белых ворот сидела и вязала чулок старуха, похожая на старуху из сказки, – в очках, с клювом, с провалившимися губами – одна из вдов, живущих в приюте при кладбище* (И. Бунин).

Подобие признается частным случаем сходства. Между двумя предметами может не быть ни одного общего, непосредственно наблюдаемого и чувственно воспринимаемого признака, и тем не менее могут существовать между признаками одного предмета такие соотношения, которые сходны с соотношениями между признаками другого предмета. Чем существеннее отношения, чем глубже они раскрывают природу предметов, тем в большей степени подобны друг другу. Степень подобия выявляется не столько внешней, чувственно постигаемой похожестью, сколько существенно реальными отношениями, которые лежат в его основании. В отличие от сходства, подобие более рационально: оно имеет дело с определенными, осознаваемыми признаками, в противном случае утверждение подобия не представляется естественным.

Опознание отношения подобия или отношения сходства основано на сравнении хранящихся в памяти человека признаков предметов, понятий, явлений и т. д. Подобие может свидетельствовать об одинаковости ряда признаков каких-то фрагментов действительности или же (что наблюдается

чаще) выражает тождество какого-то одного (в указанном параметре) признака, но не всех признаков сравниваемых объектов. Подобие представляет собой такую форму умозаключения, посредством которой при сопоставлении двух или более объектов устанавливается взаимная тождественность некоторого ограниченного числа существенных характеристик данных объектов. Если подобие устанавливается только между важными, существенными признаками объектов, то сходство оперирует самыми разнообразными признаками, очень часто чисто внешними, несущественными признаками. Говоря о так называемых уподоблениях, следует отметить, что это специфические формы сходства, достоверность (обоснованность) которых является бесконечно неопределенной: *Высокая, тонкая, с тонкими стенами и очень тонкими перилами, хрупкая, нежная, выкрашенная в светло-голубой цвет, увешанная кругом завесами, портьерами, драпировками, она [дача] напоминает собой миловидную, хрупкую, кисейную барышню* (А. Чехов).

Уподобления всегда являются небуквальными сходствами в том смысле, что они и не претендуют на буквальность, т. е. на оценку производимых утверждений (выводов) в терминах «истинности» / ложности». Уподобления (как и метафоры), строго говоря, вообще не являются истиннозначимыми. Подлинная направленность уподоблений заключается в моделировании, гипотетировании, демонстрации и иллюстрации. Можно рассматривать уподобление как соответствие, которое не предполагает редукции содержания высказывания к набору общепринятых условий истинности, а наоборот, осуществляется вопреки им. Поэтому попытка сопоставить уподобление с общезначимыми условиями истинности (т. е. интерпретировать его буквально) всегда будет сигнализировать о его ложности.

Уподобление следует рассматривать как переходную языковую форму от собственно сравнения к метафоре. Это является отчасти в том, что уподобление практически всегда оказывается преувеличением степени действительного сходства и, как следствие, – фактически ложным. Суждения уподобления широко употребляются для выражения отношения сходства как в научной, так и в художественной литературе. Так же, как и в конструкциях с именами, выражающими отношение равенства (одинаковости), в предложениях с предикатами уподобления общий признак (аспект сопоставления), как правило, представлен эксплицитно: *Маши, маленькая такая, точно мышка, – так же быстро бегают и всех боится* (М. Горький).

Понятие поиска соответствия признаков, введенное А. Тверски, объясняет различие между буквальными срав-

нениями и уподоблениями. В первом случае «мы как данное имеем определенное признаковое пространство, или точку отсчета, и оцениваем качество соответствия между объектом и референтом. Гипотеза о сходстве, базой для которой становятся общие признаки или своеобразное ассоциативное поле, лежит в основе любого уподобления. Уподобление выражается не только в ситуации, когда имена различаются по своей референциальной отнесенности, но и тогда, когда одно или оба имени в предложении неререферентны и обозначают семантически далекие классы объектов.

Несмотря на возможность уподобления одного объекта другому по разным основаниям, число возможных интерпретаций, согласно принципу «поиска соответствий», не представляется неограниченным. Оно мотивируется теми

признаками второго термина, которые совместимы с денотатом определяемого имени. Более адекватное представление мысли в предложении достигается путем введения аспекта сравнения, с помощью комментария. Буквальное сравнение не создает нового концепта, оно идет путем выделения наиболее значимого сходства или различия, сравнение представляет собой «путь, ведущий к подобию». Метафоре же свойственно создание нового концепта, значит, «путь к подобию» пройден и произошла обработка нового понятия. На основе этого сопоставления можно предположить, что уподобление объединяет в себе черты двух явлений. Это и путь к подобию, и «шлифовка» достигнутого подобия, в результате формируется новый образ объекта сравнения. В уподоблении формально представлены два означающих и два означаемых (реальный факт и воображаемый).

К вопросу о синтаксических особенностях идиллий А. А. Дельвига

Д. Н. Жаткин

Пензенская государственная технологическая академия

Синтаксическое построение идиллий, бессоюзное сложное предложение, сложноподчиненное предложение, однородные члены предложения

Summary. Considering A. Delvig's idylls the author of the article shows that their syntactic structure has a strictly devised character. The syntactic peculiarity of Delvig's idylls is a wide usage of asyndetic sentences, homogeneous members, and participial constructions. Their main function in Delvig's texts is stated in realizing the author's idea of depicting a vivid picture of an idyllic life, creating the atmosphere of compatibility and interconnection of the events described.

Жанр идиллии относится к числу излюбленных в литературном творчестве поэта пушкинского времени Антона Антоновича Дельвига, которому удалось в казалось бы отдаленных от реальности произведениях откликнуться на общие настроения своего времени, наполнив тексты противоречиями жизни, трагическим сознанием романтика. Дельвигские идиллии отличает плавность повествования, позволявшая передать царившие в Аркадии спокойствие, безмятежность и умиротворение. Замедленное повествование способствовало одновременному раскрытию двух важных особенностей идиллического мира: отсутствия в нем малейших проявлений торопливости, суетности и вместе с тем удивительной цельности существования, полного радостей, счастья, внутреннего восторга. Характерная неспешность воссоздается автором при помощи сложного синтаксиса.

Дельвиг активно использует в идиллиях бессоюзные сложные предложения. Большинство из них выражают одновременность или совместность, при этом формы сказуемых имеют обычно одинаковое видо-временное значение: *...В долинах, на холмах звучали пастушьи свисты; / По холмам, долинам бежали стада и шумели; / В прохладе и блеске катились волны Алфея* («Дамон»). Приведенное бессоюзное предложение со сказуемыми, выраженными формами прошедшего времени глаголов несовершенного вида, содержит описание имевших место в прошлом взаимосвязанных процессов. Сказуемые могут быть выражены формами настоящего времени глаголов, краткими страдательными причастиями, служащими для передачи происходящих в описываемой действительности событий: *...лучи так и блещут, земля утопает / В их обаятельном свете; Иллис из урны прохладной / Льет серебро; соловьи рассыпаются в сладостных песнях; / Берег дышит томительным запахом трав ароматных; / Сердце полнее живет и душа упивается негой* («Купальницы»). В некоторых случаях Дельвиг выражает семантику одновременности при помощи сказуемых с разным видо-временным значением, однако это ничуть не нарушает целостности изображения: *...Тетива еще стонет, / Взор за стрелой еще следует, славы чело и ланиты / Блещут, лишь длань успокоилась, смерть за стрелой пустивши!*

Однако далеко не везде автор ставит задачу передать посредством бессоюзного сложного предложения значение одновременности. К примеру, в идиллии «Отставной солдат» можно встретить такие строки: *Товарищи меня стащили в Вильну, / С год лекаря и тем и сем лечили...* Здесь содержится сообщение о сменявшихся друг друга в прошлом взаимосвязанных событиях: сначала солдат оказался в больнице, а затем его лечили там врачи на протяжении целого года. Интересно отметить, что оба глагола употреблены Дельвигом в форме прошедшего времени, однако имеют место видовые различия. Глагол *стащили* – совершенного вида, передает значение законченного в прошлом действия. Глагол *лечили*

– несовершенного вида, что неслучайно: автор стремится подчеркнуть, что старания врачей не дали существенного позитивного результата, что солдат стал калекой, потерял ногу.

Значение последовательной смены событий соседствует в бессоюзных сложных предложениях, употребляемых Дельвигом, с иными содержательными смыслами. В «Купальницах» автор не только передает череду взаимосвязанных событий, но и поясняет глаголы *гляжу, вижу*: *Вот, не смея дышать, чуть-чуть я привстал; предо мною / Частый кустарник; легко листы развизаю; подвинул / Голову в листья, гляжу: там синют, там искрятся волны; / Далее двинулся, вижу: в волнах Ликорисса и Дафна, / Обе прекрасны, как девы-хариты, и наги, как нимфы*. Части предложения, следующие после глаголов *гляжу* и *вижу*, выполняют функцию объекта и по своему значению соответствуют сложноподчиненным предложениям с придаточными дополнительными (типа *Вижу, что в волнах Ликорисса и Дафна*). Очевидно, что если вторая часть конструкции выполняет функцию объекта, то первая часть представляет собой глагол, обозначающий речь, восприятие, душевное состояние (в частности, *видеть, глядеть, слышать, говорить, сказать, чувствовать*).

Бессоюзные сложные предложения со значением пояснения в произведениях Дельвига нередко имеют и иную структуру; вторая часть может выполнять по отношению к первой функцию субъекта: *Все до вчерашнего вечера счастье ему предвещало: / Дафна охотно плясала и пела с ним, даже однажды / Руку пожала ему и что-то такое шепнула / Тихо, но сладко...* («Купальницы»). Вторая часть предложения раскрывает в данном случае значение подлежащего первой части *все*. Иногда вторая часть бессоюзного сложного предложения пояснительного типа раскрывает в идиллиях Дельвига содержание дополнения первого предложения: *Снеси же к своим хорошее известье: / Мы кончили войну в столице вражьей, / В Париже русские отмстили честно / Пожар московский!* («Отставной солдат»). Часть предложения, следующая в приведенном примере после двоеточия, выполняет функцию определения. Имеются у Дельвига и бессоюзные сложные предложения с указанием во второй части основания, причины: *Убедительны, сладки их просьбы: / В прекрасных устах и улыбка, и речи прекрасны* («Дамон»). В соответствии с традициями выразительного чтения первая часть такого предложения читается с некоторым понижением тона, а перед второй делается длительная пауза.

Для замедления идиллического повествования Дельвиг использует также причастные и деепричастные обороты, однородные члены: *Бывало, обнявши руками / Белые, нежные ноги Мелетия, смиренно сижу я, / Слушая клятвы его Амарилле, ужасные клятвы* («Конец золотого века»); *Я и сушил, и долбил, и на коже резал искусно / Грозды, цветы и образы сильных богов и героев* («Купальницы»). В некото-

рых текстах они активно используются поэтом наряду с характерной бессоюзной связью со значением одновременно («Конец золотого века»).

Таким образом, синтаксическое построение идиллий Дельвига носит глубоко продуманный характер. Поэт стремился передать всю гамму чувств и переживаний героев посредством избранных форм. Характерной синтаксической осо-

бенностью идиллий Дельвига является широкое использование бессоюзных сложных предложений, однородных членов, причастных и деепричастных оборотов. Их основная функция в дельвиговских текстах состоит в реализации авторской задумки масштабного отображения полнокровной картины идиллической жизни, создания ощущения совместности, взаимосвязанности описанных событий.

Грамматика, семантика и прагматика утверждения / отрицания

А. А. Калинина

Марийский государственный педагогический институт им. Н. К. Крупской, Йошкар-Ола

Русский язык, синтаксис, семантика, прагматика, утверждение / отрицание

Summary. The subject in question is the peculiarities of the affirmation / negation relations realizing on different levels of the semantic organization of an utterance, system-language and communicative-speech aspects of the affirmative / negative semantics in the course of their interconnection.

Категория утверждения / отрицания, как структурно-семантическая категория языка и речи, имеет многоаспектную природу и функционирует на различных уровнях смысловой организации предложения-высказывания.

В соответствии с постулатом о единстве формы и содержания категория утверждения / отрицания может рассматриваться как категория формально-грамматического устройства предложения и категория его содержательной стороны.

Содержательный аспект данной категории проявляется не только как типовое, абстрагированное значение «предложения языка», отражающего обобщенную ситуацию действительности, но и как категория индивидуальных смыслов конкретного высказывания с учетом особенностей его функционирования в составе речевого акта. В связи с этим представляется правомерным рассмотрение значения утверждения / отрицания как явления грамматического, с одной стороны, и явления семантического и коммуникативно-речевого, с другой стороны.

Как компонент формально-грамматического устройства предложения категория утверждения / отрицания определяет положительный или отрицательный характер подлежащего сказуемостной связи (предикативных отношений) и имеет регулярные, формально-языковые средства выражения.

Утверждение / отрицание как явление семантического плана высказывания в наиболее общем виде может быть представлено в виде оппозиции «позитивный / негативный характер передаваемой информации». Денотативное содержание утверждения / отрицания составляет непосредственно отображаемая в высказывании «положительная» или «отрицательная» ситуация.

Собственно семантический и грамматический аспекты (семантика и грамматика) утверждения / отрицания противопоставляются друг другу как различные типы информации, передаваемой высказыванием, – информации чисто языкового (лингвистического) и информации внеязыкового, энциклопедического характера.

Семантика высказывания не является статичной в своей сущности, она подвержена коммуникативно-речевому (контекстному) варьированию. Прагматический и семантический аспекты содержательной стороны высказывания соотносятся как контекстно независимое и контекстно обусловленное значения.

Выделение указанных аспектов укладывается в общее, глобальное, диалектически понимаемое противопоставление формы и содержания. Каждый предшествующий аспект является своеобразной «поверхностной структурой» для последующего. Грамматический аспект является «формой» по отношению к семантическому и коммуникативно-прагматическому. В свою очередь, инвариантное утвердительное или отрицательное значение синтаксической конструкции является «формой», составляет семантическую основу для коммуникативно обусловленных смыслов утверждения / отрицания.

Указанные аспекты коррелируют друг с другом и, как правило, действуют согласованно, однонаправленно. В то же время нередко отношения между грамматическим значением предложения-высказывания, его семантическим со-

держанием и употреблением в речи характеризуются как «напряженные», конфликтные.

Примером рассогласованности грамматического и семантического (денотативного) аспектов утверждения / отрицания могут служить случаи выражения позитивного содержания средствами грамматически отрицательного предложения: *Нет вести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте* («Повесть о Ромео и Джульетте – самая печальная повесть на свете»); *В ближайшее время не исключена возможность новых подземных толчков* («В ближайшее время возможны новые подземные толчки»); *Гость был не другой кто, как наш почтенный... Павел Иванович Чичиков* (Н. Гоголь) («Гость был... Павел Иванович Чичиков»); *Об этом докладе не говорил только ленивый* («Все говорили об этом докладе»). И, наоборот, высказывания, имеющие формально-грамматические признаки утвердительного предложения, используются для передачи информации негативного характера, отображают «отрицательную» ситуацию: *Жена моя смыслит в хозяйстве столько же, сколько я в добывании гагачьего пуха* (А. Чехов) (= «Ничего не смыслит»).

Усложненность отношений между грамматическим и семантическим (денотативным) содержанием категории утверждения / отрицания проявляется и в том, что идентичное денотативное содержание может быть передано как грамматически утвердительным, так и грамматически отрицательным предложением (явление денотативной равнозначности): *Он не спит. – Он бодрствует*. Ср.: *А спецслужбы не дремали* (Из газеты).

Конфликт между семантическим и прагматическим аспектами проявляется как несовпадение контекстно независимого и контекстно обусловленного значения утверждения / отрицания. Высказывание *Я помешал*, рассматриваемое вне контекста его употребления, предназначено для выражения утвердительного значения. Однако то же высказывание в составе реплики Фамусова *Я помешал! я испужал!* реализует экспрессивно-отрицательное значение, являясь выражением эмоциональной реакции несогласия, протеста. Ср.: *Благодарю покорно, / Я скоро к ним вбежал! / Я помешал! я испужал!* (А. Грибоедов).

Предметом прагматического анализа в области значений утверждения / отрицания могут стать случаи семантической обратимости высказывания, когда одно и то же высказывание в зависимости от факторов прагматического порядка способно реализовать исключаящие друг друга значения утверждения и отрицания. Ср.: *Он поможет!*; *Она добрая!*; *Умное решение!*; *Очень остроумно!*

Содержательная сторона категории утверждения / отрицания должна рассматриваться в единстве всех своих сторон аспектов, которые сложным образом взаимодействуют в смысловой организации актуального высказывания. Итогом такого взаимодействия является смысловая неодноплановость, неоднозначность высказывания по параметру «утвердительность / отрицательность». Значения утверждения / отрицания, как значения различных уровней иерархически организованной смысловой структуры высказывания, сосуществуют в совокупном содержании высказывания, образуя смысловую перспективу отношений утверждения / отрицания.

Явление семантического и синтаксического переразложения в структуре словосочетания

Л. Г. Канарская

ГОУ ВПО «Мичуринский государственный педагогический институт»

Словосочетание, актуальное членение, атрибут, логическое ударение, инверсия

Summary. In a sentence the semantic cohesion of components of a word-combination (phrase) and its syntactic structure can be considerably changed. These processes should be called respectively the semantic and the syntactic reintegration.

Нетрудно заметить, что в строе предложения смысловая спаянность компонентов словосочетания и его синтаксическая структура могут претерпевать значительные изменения. Это обуславливается различными, тесно связанными между собой внеязыковыми факторами: целью высказывания, содержанием высказывания, обстановкой, в которой высказывание осуществлялось, эмоциональным настроением говорящего, стилем речи. Так, в предложении *Вы имеете дело с честным человеком, – да, с честным человеком* (И. Тургенев) логическим ударением выделяется атрибут «честный», который в результате этого выделения становится единственной ремой предложения. В структуре словосочетания *честный человек* наметились значительные изменения: во-первых, произошел сдвиг в интонационной структуре словосочетания – акцент переместился с главной словоформы на зависимую; во-вторых, изменилась смысловая иерархия компонентов – ядро словосочетания перестало быть его семантическим центром, а атрибут получил возможность участвовать в актуальном членении предложения без опоры на ядро словосочетания. Можно отметить несколько процессов, происходящих в словосочетании под влиянием актуального членения предложения.

Явление **семантического переразложения** – это смещение в словосочетании смысловых и интонационных акцентов при сохранении синтаксической спаянности его компонентов. Это может осуществляться разными способами, самым ярким из которых является выделение атрибута с помощью **логического ударения**: *Странный человек был этот господин Пегасов* (И. Тургенев) Выделение атрибутивного компонента словосочетания с помощью логического ударения сохраняет прямой порядок повествования и отражает стремление говорящего придерживаться нормированной речи. Несмотря на то, что такие предложения зачастую контекстуально несвободны, они отличаются от предложений с другими способами акцентирования тем, что экспрессивно менее окрашены и по многим стилистическим характеристикам приближены к нейтральным конструкциям.

Выделение атрибутивного компонента словосочетания логическим ударением нередко сопровождается другим акцентным средством – частицами, которые способствуют усилению его речевой значимости: *...мне кажется, что подобные измышления могут исходить только из мужской головы* (А. Чехов. Скудная история).

Процесс семантического переразложения внутри словосочетания тесно связан с областью лексической семантики. Атрибут в большинстве случаев выражен словом с яркой оценочностью типа *славный, замечательный, страшный* и подобными. Ядро словосочетания представляет собой целый класс слов, называющий человека по половому признаку, а также субстантивы, употребленные в абстрактном, отвлеченном значении (например: *штука, дело* и т. п.): *Ужасная штука – смерть!* – сказал Юрий и поблел (М. Арцыбашев. Санин).

Другим способом выделения атрибута, который приводит к семантическому переразложению между компонентами словосочетания, можно считать изменение местоположения

акцентируемого атрибутивного слова. Изменение местоположения зависимого атрибута может быть осуществлено путем **инверсии**. Инверсия атрибутивного компонента словосочетания – одна из самых продуктивных моделей его выделения: *– Ты знаешь также, что я посвятил себя делу трудному, неблагодарному* (И. Тургенев. Накануне).

Явление **синтаксического переразложения** внутри словосочетания связано с возможностью атрибута в смысловом плане отдаляться от ядра. Синтаксическое переразложение накладывается на процесс смыслового переразложения и заключается в том, что компоненты словосочетания позиционно отдаляются друг от друга, или синтаксическая структура словосочетания стремится к разрушению. Позиционное отдаление компонентов словосочетания происходит путем **дислокации**: *В Москве удивительная произошла со мной перемена* (И. Тургенев. Гамлет Шигровского уезда).

Ядерная словоформа может быть не только оторвана от атрибута, но и опущена из текста совсем. В этом случае произойдет разрушение словосочетания с последующим **одиночным функционированием** атрибутивного слова в речи. В грамматике процесс одиночного функционирования атрибута именуется субстантивацией и связывается с переходом прилагательного в разряд имен. Однако, на наш взгляд, у этого явления не морфологические, а чисто синтаксические корни, и суть этого процесса связана со смещением интонационных акцентов на атрибутивную словоформу. Ее семантическая подчеркнутость и речевая значимость во многих случаях приводят к тому, что ядерная словоформа перестает осознаваться необходимой и опускается из текста, например: *...грачи и вороны, разинув носы, жалобно глядели на проходящих* (И. Тургенев. Певцы). Такие слова, как *нарочный, горничная, часовой, военный, столовая, гостиния, шампанское* и тому подобное не только в самом конце XVIII века, но и очень длительное время в XIX веке употреблялись в составе субстантивного словосочетания как зависимые компоненты, например: *В залу вбежала горничная девушка* (Л. Толстой. Война и мир). Закреплению в языке одиночного употребления подобных атрибутов способствовало то обстоятельство, что атрибутивная словоформа без опоры на ядро словосочетания безошибочно указывала именно на тот предмет (лицо, явление), которое она определяла, и ни на какой другой, поэтому, когда, например, произносились слова *горничная* или *коридорный*, адресату речи без обращения к ядру словосочетания было ясно, что в первом случае речь идет о девушке-служанке, а во втором – о мужчине, выполняющем функции лакея: *...половые носились вихрем, пьяные требовали сигар, от которых их тошнило* (И. Бунин. Иван Каземирович).

Таким образом, под влиянием актуального членения цельное субстантивное словосочетание может разрушаться совсем, однако наиболее продуктивным явлением можно считать актуализацию одного из компонентов словосочетания – зависимого атрибута, который начинает выполнять роль единственной ремы в предложении: *Ждем последнего, окончательного известия* (Ф. М. Достоевский. Игрок).

Неагентивность синтаксического строя и агентивность лексического строя художественной речи Ф. М. Достоевского

П. В. Козленко

Московский государственный университет печати

Идиостиль, агентивные имена, оценочное высказывание, полифония оценок, интенция говорящего

Summary. Nomina agentis in Dostoevsky's prose is an important means of expression of transmission of passion on the background of uncertainty expanding the semantic space of the text.

В лингвистических исследованиях отмечается такое свойство идиостиля писателя, как стремление «к устранению агента из субъектной позиции», что позволяет отнести неагентивные конструкции к «языковым фаворитам» Ф. М. Достоевского ([1, 846]).

Неагентивность, то есть неуправляемость действий, их стихийность, кажимость происходящих событий, связаны, на наш взгляд, с естественным восприятием и «приятием» писателем «сути и стати» [1, 869] русского языка: «Достоевский отдался его стихии, слился с его природой, придал его

типологически важным свойствам эстетическую значимость» [1, 869].

Рассматривая агентив как важнейший механизм в системе выражения функционально-семантической категории оценки, «скрепляющий» с позиций семантической и функциональной производности глагол, прилагательное и имя» и способный на этой основе охарактеризовать агенса, то есть любое действующее лицо в позиции оценочного предиката, полагаем, что имена лица – *nomina agentis* – эксплицируют ту компенсационную составляющую, которая есть свойство идиостиля автора. Поместив два имени (или местоимение + имя) в одной предикативной структуре (синтагме) и противопоставив их как объект (субъект) и его свойства, писатель нашел, на наш взгляд, во-первых, экономное средство передачи богатейшей информации; во-вторых, средство выражения аффекта, экспрессии на фоне неопределенности, расширяющей семантическое пространство текста.

Агентивные имена могут быть охарактеризованы как «любимые слова и словечки» писателя, вставленные в оценочную конструкцию. Отличительное свойство этих слов – совмещать предметное и признаковое значения в виде логического суждения («человек такой-то – это хорошо или плохо»), наталкивать на ассоциации с предметным или природным миром (оценочный знак-прагмема и знак-коннотация). Специфическое свойство этих конструкций – полипозиционность – выраженный или скрытый субъект мнения, совмещение субъекта и объекта оценки в одном слове, многообразии оцениваемых объектов, прогнозирующее многозначность и широту характеризующих их признаков, – как нельзя лучше предназначено для того, чтобы «открытость, незавершенность русской речи» писатель «обратил в неразгаданную тайну своего текста» [1, 869].

К такой тайне, раскрываемой (компенсируемой) агентивами в позиции предиката оценочных высказываний, относится динамика ценностных интенций говорящих – персонажей в «многоголосом хоре» текстов Достоевского, изменчивость их мнений от восхищения до возмущения, рассогласование и размытость этих мнений, попытка прийти к синкретизму на основе анализа личности: *Я сперва заключил о нем, что он – совсем баба; но потом должен был перезаклчить в том случае, что если и баба, то все-таки оставалось в нем какое-то иногда упрямство, если не настоящее мужество* («Подросток», с. 23). Путь умственного акта оценки (оценочного суждения) в его динамике – от неодобительного пренебрежения (переносное значение слова баба по отношению к мужчине формируется семами ‘слабость’, ‘нерешительность’) к неуверенному одобрению и, наконец, к признанию-похвале (мужество, основанное на упрямстве) отра-

жает тот факт, что «...мысль Достоевского развивалась сама собой, сама себе противоречила и “сводила все концы со всеми концами”» [3, 535]. В развитии этой мысли «принимали участие» два условия – допущение *плохого* через утверждение (*если и баба*) и допущение *хорошего* через отрицание (*если не настоящее мужество*). Синтез условия и уступки оформляет сложное выражение характеризующей мысли.

Для идиостиля Достоевского характерен прием дидактических оценок, навязывания обоснованного мнения: *И заметьте, какой риск для Карамазова: он главный убийца, а тот не главный, тот только попуститель и пролежал за перегородкой, и вот он сваливает на лежащего* («Братья Карамазовы», с. 140). Из высказывания ясно, что говорящий пытается воздействовать на сферу мнений адресата, взвешивая и противопоставляя агентивные именованья двух объектов: *убийца – попуститель*. Высказывание указывает на аксиологическую неравноценность номинаций для говорящего. Ситуация отражает стратегию речевого поведения субъекта речи, демонстрируя, как применяются им вербальные оценки для характеристики двух лиц с целью усиления позиций одного из них и дискредитации другого. Агентивное имя *убийца* (сема ‘преступный’) в сочетании с прилагательным *главный* передает обвинительно-осуждающую интенцию говорящего, тогда как номинация *попуститель* (сема ‘снихождительный к чему / либо незаконному’) в комплексе с частицей *только* выражает оправдательную интенцию субъекта речи.

Агентивные номинации у Достоевского выявляют наиболее существенные, наиболее значимые черты персонажей, уточняя их, выделяя или оттеняя. Для этого автор использует конструкции с уступительно-противительным и отрицательно-противительным значением.

Емкие по смыслу агентивные имена у Достоевского являются важным словесно-художественным средством для создания речевых портретов персонажей, для раскрытия присущей им противоречивости мыслей, чувств, поведения.

Таким образом, специфической чертой оценочно-предметных и эгоцентрических высказываний в текстах писателя становится демонстрация компенсационного речевого приема – лексическая агентивность возмещает синтаксическую неагентивность.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Стиль Достоевского в рамках русской картины мира // Н. Д. Арутюнова. Язык и мир человека. М., 1999. С. 846–869.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
3. Розанов В. В. О писательстве и писателях. М., 1995.

Степень омонимичности словоформ в корреляционных парах личных и безличных предложений

Н. П. Курмакаева

Донецкий национальный университет (Украина)

Полифункциональность, функциональная диверсия, омосинтаксемия

Summary. The system connections in correlative pairs of the word's forms in the structure of the predicate in personal and impersonal sentences are analyzed. The extent of their homonym relations with consideration of their polyfunction and the level of their syntactical specialization has been established. The notions «homonyms between the words of different parts of speech», «morphological homonyms» and «functional homonyms» are distinguished.

Характер соотношения предикатных компонентов личных (ЛП) и безличных (БП) предложений продолжает оставаться предметом дискуссий как в сфере глагольных слов, так и в сфере неспрягаемых (именных) словоформ. Исторически сложился неоднозначный подход к решению названной проблемы, сориентированному в большей мере на выявление и грамматическую паспортизацию морфолого-синтаксических расхождений предикатных словоформ-коррелятов, чем на выводы, обусловленные факторами их этимологического и функционально-синтаксического родства. В результате личные и безличные формы глаголов рассматриваются либо как разные слова (В. И. Кодухов), либо как морфологические (А. А. Камынина) или грамматические (В. А. Плунгян) омонимы; из наречия вычленяются «предикативные наречия» (Русская грамматика), из состава кратких страдательных причастий пытаются вывести группу «причастных предикативов» (И. В. Замятина); в области

обособления так называемых слов на -о, природно связанных с краткими прилагательными среднего рода, достигнут максимальный разрыв – почти узаконена новая часть речи «има состояния» (В. В. Бабайцева), т. е. личные и безличные корреляты закреплены как межчастеречные омонимы.

В русле провозглашенного в последние десятилетия системного подхода к анализу фактов языка есть все основания рассматривать указанную проблему как составную часть проблемы корреляции ЛП и БП в целом. За исходное принимаем положение о наличии у единиц языка первичных (базовых, прототипических, специализированных) и вторичных (производных, непрототипических, неспециализированных) функций, в том числе у словоформ в позиционном составе предложения в силу полифункциональности большинства из них. В основе лежат известные концепции А. А. Потебни, И. И. Мещанинова, С. Карцевского и др.

Вслед за рядом ученых признаем специализированными для позиции и функций сказуемого ЛП и главного члена БП глагольные словоформы, т. е. V_f и V_{Es} , так как они способны самостоятельно передавать модально-временной план, первые – в связи с противочленом-подлежащим, вторые – при полной закрытости позиции N_1 . Различия структур по синтагматическому параметру подтверждают их взаимообусловленность и возможность определять БП как функционально-синтаксический дериват ЛП, переживший процесс филиации N_1 , на что максимально ориентирована форма 3 л. ед. ч. или ср. р. глагола (ср.: *Так оно и случилось – Так и случилось*). Учитывая, что подавляющее большинство так называемых безличных глаголов – это, по существу, «личный глагол в безличном употреблении», то можно предположить, что личная форма глагола «выдвигается» в позицию V_{Es} на правах функционального эквивалента безличной формы (В. В. Лушай). В результате деривационного шага возникают многочисленные функциональные дериваты, образующие с исходным словесным знаком не морфологические омонимы, а омосинтаксемы (термин В. В. Лушай, под которым понимается «одна и та же форма, употребленная в разных синтаксических функциях как «адекватный знак» или как «неадекватный знак»). Возникающие семантические расхождения объясняются различиями в семантическом потенциале синтаксических позиций, предопределенно дистрибуцией (позиция главного члена БП категориально наделена значением «стихийность», «инволютивность», «деперсонализация»). Это приводит к необходимости говорить о «позиционных свойствах безличности» (А. Ф. Папина). Функциональные разновидности полифункциональной словоформы составляют омосинтаксемные ряды.

Параллельно с явлениями подобной омосинтаксемии, или функциональной деривации, в сфере глагольного формообразования можно обнаружить и действительные образцы морфологической (грамматической) омонимии: а) по линии <знаменательное – служебное>: *Сначала делается заготовка – Делается прохладно*; б) по линии <форма активного залога – безличная форма>: *Вечно она всем плачется – Я плачу не для вас, мне просто плачется*; в) по линии <форма пассивного залога – безличная форма>: *Это говорит ему каждый день – Ему сегодня особенно легко говорится*.

В связи с развитием моделей в узусе обнаруживается зона пересеканности синтаксем по линии <пассивный залог – без-

личность>, обусловленная полисемией исходных глагольных лексем: *Это рассказывается – Об этом рассказывается*.

Если согласиться с ходом рассуждений о том, что в подавляющем большинстве случаев корреляций личных и безличных форм глаголов в соответствующих позициях имеем дело с омосинтаксемами одной полифункциональной словоформы, то логично предположить, что в случае заполнения этих позиций соответственно краткой формой страдательного причастия омосинтаксемная оппозиция сохранится благодаря способности краткого страдательного причастия одинаково успешно «встраиваться» в субпозицию присвязочной части аналитического сказуемого и аналитического главного члена БП (ср.: *В комнате все убрано – В комнате убрано*). В таком случае отпадает необходимость в дополнительной терминологии, как-то: бессубъектное причастие, причастный предикатив, безличная форма причастия и т. п. Этот же процесс характерен и для некоторых наречий, способных функционировать предикативно как функциональный эквивалент либо личной, либо безличной формы глагола (*За столом все было по-домашнему – За столом было по-домашнему*). Системный подход к анализу фактов языка и речи выдвигает вполне уместный вопрос: а насколько серьезны основания, чтобы не видеть аналогичного явления и в парах, построенных по тому же образцу и подобию: *Кругом все тихо – Кругом тихо, Но ведь это стыдно – Ах, как ему стыдно* и мн. др. Логично ли в однотипных корреляциях личных и безличных структур усматривать разнохарактерные процессы – в одних без изменения частеречной принадлежности словоформ-предикатов, а в других с полным изменением. По существу, наблюдается общая для всех случаев закономерность языка, связанная с «выдвижением» неспециализированной словоформы в позицию, предназначенную для специализированной. И если в личных двусоставных предложениях (*Все стало тихо*) функционирует краткая форма прилагательного среднего рода, то по логике предыдущих рассуждений в БП (*Стало тихо*) следует фиксировать не предикативное наречие, не категорию состояния, не безлично-предикативные слова, а краткое прилагательное среднего рода в субпозиции аналитического главного члена БП, а их взаимосвязь видеть не на межчастеречном уровне, а на функционально-синтаксическом – как омосинтаксемы одной полифункциональной словоформы в своей неспециализированной функции.

Грамматическое и семантическое согласование в современном русском языке

Э. П. Лаврик

Ставропольский государственный университет

Грамматическое согласование, семантическое согласование, универсальная грамматическая категория

Summary. Agreement is a universal language category. There exist a narrow and a wide ways of understanding this phenomenon. Agreement in the wide sense deals with an all levels of language system.

В системе языка согласование можно рассматривать как особую категорию, понимаемую не только как грамматический способ оформления слов в словосочетании (узкое понимание), а как семантико-грамматическое явление, охватывающее все уровни языка. И действительно, широкое понимание согласования включает и семантическое согласование лексических единиц, предполагающее иерархическую организацию сем в составе лексического значения, для объяснения лексико-грамматической связности предложения, т. е. «семантического согласования», по В. Гаку, при котором говорящий в процессе речетворческой деятельности производит сознательный отбор семантем, согласующихся друг с другом в смысловом отношении, и грамматическое согласование, представленное как уподобление единиц в рамках словосочетания, простого, осложненного, сложного предложения и текста.

Определяющей при согласовании, как и при любой другой синтаксической связи, является внутренняя связь, поскольку смысловые признаки синтаксической связи всегда постоянны (они указывают на соответствующее направление синтаксической зависимости), при согласовании это всегда односторонняя зависимость: *темная ночь*. Внешняя связь всегда подчинена внутренней связи, поскольку внешние, формальные признаки непостоянны, изменчивы. Изучение согласования, учитывающего в комплексе семантиче-

ские и формальные показатели, дает достаточно полную картину этого вида подчинительной связи. При этом важно учитывать, что специфика смысловых признаков согласования отражается на его внешних особенностях.

Грамматическое согласование также не замыкается только рамками словосочетания, поскольку уподобление проявляется не только на непредикативном, но также на предикативном и полупредикативном уровнях предложения. О грамматическом уподоблении можно говорить при рассмотрении сочетаний подлежащего и сказуемого, приложения и определяемого слова (так называемое аппозитивное согласование), полупредикативного обособленного определения, выраженного причастными и адъективными оборотами, предикативных частей сложного предложения с различными способами связи и в пространстве текста. Отношения, устанавливающиеся между названными компонентами предложения, организованы связью, сводимой к так называемому «широкому» согласованию. Одинаковый механизм уподобления компонентов согласовательных конструкций разных языковых уровней, основанный на единстве средств выражения категориальных значений (рода, числа, падежа), реализуется всеми названными синтаксическими единицами, что делает правомерным широкое понимание согласования.

Широкое понимание согласования предполагает разграничение согласования грамматического (формального) и

смыслового. Грамматическое согласование является узуальным, и отношения между главным и зависимым компонентами высказывания соответствуют сугубо грамматическим характеристикам рода, числа и падежа. Сущность согласования состоит в уподоблении формальных показателей определенной грамматической категории в зависимом компоненте формальным показателям этой категории в господствующем компоненте. Следовательно, инвариантом согласовательной модели, выражающим семантико-грамматическую сторону согласования, является узуальное согласование, или согласование по форме.

При семантическом согласовании единиц грамматического уровня не происходит уподобления во всех возможных грамматических категориях и возникает несоответствие в формальных показателях согласования. Например: *Доктор Иванова принимает с утра.*

Изофункциональность данного грамматического явления подтверждается его последовательной реализацией на всех уровнях: 1) атрибутивного согласования в словосочетании: *вчерашняя врач*; 2) предикативного согласования в грамматической основе: *Первая ракетка мира уступил сопернику в пяти сетах* (из телерапортажа); 3) аппозитивного согласования в осложненном предложении: *Отец ее, рыбак, ворчал на меня за мою молодость* (Паустовский); 4) атрибутивно-анафорического согласования частей сложноподчиненного предложения, основанного на соотносимости коррелята и союзного слова: *Он не согласился с коллегой, которая говорила...* (из газет); 5) тексто-анафорического согласования.

В этих случаях согласование по смыслу является средством актуализации реальных категориальных значений синтаксисом, которое обусловлено прежде всего экстралингвистическими факторами. Причем реализация узуальной или окказиональной согласовательной модели определяется динамикой языковых процессов. Известное социолингвистическое исследование «Русский язык и советское обще-

ство» отмечает рост семантического согласования, связанного с номинированием женщин по профессии. Анкетные данные, приводимые на тот период, свидетельствуют о высокой частотности конструкций, подчеркивающих «гендерные характеристики» так называемых слов общего рода, включая и наименования лиц по профессии, повышающих ролевой статус женщины в обществе: *участковая врач, врач пришла* и т. д. В настоящее время, когда проблемы акцентирования социальной значимости женщины не стоит, наше анкетирование отмечает возвращение к прежним нормам, основанным на грамматическом согласовании. Так, респонденты как предпочитают отмечают конструкцию: *врач назначил, участковый врач*, даже если речь идет о женщине-враче.

В целом же употребление конструкций со смысловым, а не грамматическим согласованием способствует успешности коммуникации и снятию энтропии высказывания, что предупреждает коммуникативные неудачи.

В процессе речевой коммуникации работают две тенденции: 1) стремление к ясному выражению мысли (чтобы быть лучше понятым); 2) стремление к экономии усилий. Семантическое согласование является ярким примером соединения этих тенденций для достижения следующей цели: максимальная емкость высказывания при минимальном структурном объеме. Предложения с семантическим согласованием уже в особенностях соединения определяемого и определяющего компонентов содержат информацию о референте, выраженную грамматически – путем расчленения в ряде грамматических категорий. В ряде случаев данные конструкции выполняют не только смыслообразительную, но и стилеразличительную функции.

Таким образом, универсальный характер согласования как категории определяется многообразием функций и способов выражения данного языкового явления, наличием узуальных и окказиональных форм, отражающих не только структуру языка, но и ментальные акты коммуникантов и их речевые репрезентации.

Таксис следования. Временные предложения с формой *быть* + *participium perfecti passivi* в придаточной части*

И. Лучкув (Iwona Łuczków)

Вроцлавский университет (Польша)

Русский язык, синтаксис, сложное предложение, таксис, пассивная конструкция

Summary. The article presents a general description of Russian time clauses, in which a predicate is expressed by «*быть* + *participium perfecti passivi*». *Небольшая история эта произошла перед тем, как быть ему изгнанным из семинарии* constructions are undoubtedly outside the mainstream of the analyzed class of sentence, but the collected linguistic data proves that they are spreading in contemporary Russian.

Одним из средств выражения таксисного значения следования в русском языке являются сложноподчиненные предложения с временной придаточной частью. В статье принимается трактовка следования, предложенная в работах В. С. Храковского [1], [2], т. е. время действия P_1 , выраженного в придаточной части, определяется по отношению ко времени действия P_2 , выраженного в главной части. Таким образом, предметом исследования являются временные предложения, вводимые предложениями *перед тем как, до того как, прежде чем и раньше чем*.

В существующих описаниях временных предложений принято анализировать такие синтаксической структуры, предикат P_1 которых выражен финитной формой глагола в форме актива (ср.: *Перед тем как Петя поехал в Крым, он сдал все экзамены; Перед тем как отец поехал в Крым, Петя сдал все экзамены*) или нефинитной формой – инфинитивом (*Перед тем как поехать в Крым, Петя сдал все экзамены*). По нашим наблюдениям ([3]), до сих пор вне поля зрения исследователей оставались временные предложения, предикат P_1 которых выражен глаголом *быть* в форме инфинитива и страдательным причастием прошедшего времени, ср.:

1. *Перед тем как быть принятой* Александром I, знаменитая изгнанница познакомилась со всем европейским, что было в Петербурге той поры.

2. *Перед тем как быть принятым* на курсы, поступающий должен показать хорошие знания немецкого языка (Goethe-Institut – Mittelstufe II), приобретенные на родине.

3. *Прежде чем быть опубликованной* в «Известиях», эта карта была послана сенатору Кеннеди в Соединенных Штатах и сенатору Сейя, вице-президенту японской корпорации «Diet».

4. Я думаю, что Программа реструктуризации угольной отрасли Челябинской области, *прежде чем быть вынесенной* на заседание межведомственной комиссии, предварительно должна быть обсуждена на территории.

5. *До того как быть увезенным* из Дворцовой казармы, я внес официальную жалобу на то, как со мной обращались.

6. *До того как быть установленным* в Пантеоне, саркофаг проделал немалый путь.

7. Текст «Слова» *раньше, чем быть* окончательно подготовленным к печати, многократно переписывался от руки.

8. Мы можем предположить, что девушка, *раньше, чем быть выпущенной* из дома, подвергалась обряду посвящения.

Источником всех приведенных примеров являются ресурсы Интернета. Такой тип временных предложений несомненно следует отнести к периферии средств выражения следования в современном русском языке. Однако собранный языковой материал (в данный момент в картотеке собрано

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и информатизации Республики Польша на средства, предназначенные для финансирования научных исследований в 2006-2008 гг. (проект № N104 017 31 / 1751).

ок. 600 примеров интересующих нас конструкций) показывает новую, расширяющуюся тенденцию в современном русском языке, заключающуюся в том, что пассивные конструкции, характерные в основном для письменной речи (официально-деловой и научный стили речи), все чаще появляются в публицистике, а также на интернет-форумах, приобретая иногда черты разговорного стиля речи (*Перед тем как быть принятым на это место, новичок проходит «обкатку» на самом заводе; Более того, сам египетский шелк, до того как быть запущенным в производство, 30 лет «вылеживается», приобретая совсем уже неземные качества*).

В статье будет представлена общая синтаксическая характеристика анализируемых конструкций.

Литература

1. Храковский В. С. Таксисные конструкции со специализированными инеспециализированными глагольными формами // *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich. Opis, konfrontacja, przekład*. 3 / Red. I. Łuczaków, J. Sokołowski («Acta Universitatis Wratislaviensis» nr 2378. *Slavica Wratislaviensia* CXVII). Wrocław, 2002.
2. Храковский В. С. Таксис следования в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / Ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик, СПб., 2005.
3. Łuczaków I. Все двигатели проходят испытания, перед тем как быть установленными в автомобиль. О pewnym typie rosyjskich konstrukcji wyrażających następcość zdarzeń // *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich*. 5. Opis, konfrontacja, przekład // Red. M. Samowski, W. Wysoczański («Acta Universitatis Wratislaviensis» nr 2747. *Slavica Wratislaviensia* CXXXVIII). Wrocław, 2005.

Отображение деятельности говорящего в семантике осложненного предложения

Г. Н. Манаенко

Ставропольский государственный педагогический институт

Осложнение, речемыслительная деятельность, пропозиция, комментарий

Сущность осложненного предложения как единицы языка состоит в представлении соотношения двух единиц информации, обладающих разным коммуникативным статусом: основным и комментирующим. Ориентация слушающего в таком аспекте достигается благодаря языковым категориям, показывающим, какие коммуникативные действия, обусловленные креативной иллюкутивной рефлексией совершает говорящий. В процессе порождения речи предметная и иллюкутивная рефлексии говорящего слиты воедино и взаимообусловлены: они направлены не только на представление единиц информации и определение их коммуникативного статуса, но и на отображение их качества в порождаемом тексте, а также достижение перлюкутивного эффекта. Построение высказывания на основе осложненного предложения всегда сигнализирует, какая единица информации (предиктивная пропозиция) коммуникативно приоритетна и какие ментально-модусные действия предприняты с этой целью говорящим.

Придавая единицам информации комментирующий коммуникативный статус, говорящий осуществляет три типа операций ментально-модусного характера: слияние, расщепление, добавление пропозиции. Каждый тип операций совершается говорящим с целью указания или представления второй пропозиции. Разграничение указания и представления определяется типом пропозиции, переводимой говорящим в ранг комментирующей единицы информации. Указание детерминировано либо модусной, либо логической пропозицией, представление – диктумным характером пропозиции, либо отсутствием иного способа выражения логической пропозиции.

При *слиянии* указывается логическая пропозиция между единицами информации. Комментирующий характер логической пропозиции обеспечивается редукцией однотипного языкового выражения второй и последующих диктумных предиктивных пропозиций. Данные коммуникативные действия говорящего отображают 1) ряды однородных компонентов предложения, 2) присоединительные конструкции, 3) пояснительные конструкции, 4) сравнительные обороты. Представляются при *слиянии* логические пропозиции, не имеющие в языковой системе иных способов выражения. При этом актуализируются не только отношения между коммуникативно неравнозначными диктумными пропозициями, но и их содержание, поскольку тип отношения детерминирован взаимным соответствием информационных единиц. Комментирующий статус одной из них также достигается редукцией однотипного состава языкового выражения. Данные коммуникативные действия говорящего отображают 1) уточняющие конструкции, 2) обороты со значениями включения / исключения.

При *расщеплении* указывается логическая пропозиция между единицами информации. Комментирующий характер логической пропозиции обеспечивается за счет трансформации структуры исходной диктумной пропозиции – придания информационного статуса ее сирконстанту. Такие коммуникативные действия отображает осложняющая категория субстантивных оборотов со значениями обусловленности: причины, условия, уступки, цели и следствия. Представля-

ется при *расщеплении* исходной пропозиции вторая пропозиция диктумного характера, комментирующий статус которой обеспечивается трансформацией структуры исходной пропозиции через придание информационного значения какому-либо атрибуту одного из ее актантов, что возможно при выражении отношения предикации с помощью специализированных языковых форм (причастных и деепричастных), изменения интонации и изменения порядка местоположения компонентов предложения. Данные коммуникативные действия говорящего отображают 1) деепричастные обороты, 2) причастные обороты, 3) адекватные обороты, 4) субстантивные обороты с атрибутивным значением.

При *добавлении* указываются модусные или логические пропозиции, комментирующий характер которых обуславливается отсутствием или разрывом формально выраженных синтаксических связей их языкового состава с составом пропозиции основной единицы информации в высказывании, т. е. отсутствием логической пропозиции между различными единицами информации. Данные коммуникативные действия говорящего отображают 1) вводные слова, 2) обращения. Указание может быть комментирующей информацией о 1) субъектах коммуникации: гаранте речи и адресате речи; 2) коммуникативных действиях говорящего по оценке основной информации и собственно метаречевых.

Представляются при *добавлении* пропозиции разных типов, если их языковой состав отображает либо информацию, непосредственно принадлежащую другому гаранту речи, либо информацию, составляющую «общий фонд знаний». Комментирующий характер данных пропозиций обусловлен различной степенью отчужденности информации от говорящего. Эта степень может быть полной, когда гарантом речи выступает некто иной, что находит свое отображение в составе языкового выражения, оформленном как чужая речь, при обязательном наличии основной информации, представленной диктумной пропозицией, хотя и обозначающей речемыслительную деятельность, но относящейся к «внешнему» миру – деятельности Другого. Комментирующая информация с «раздвоенным авторством» реализуется на основе вставных конструкций, которые в научной литературе определяются как служащие выравниванию пресуппозиций коммуникантов. Пропозиции, отображенные с помощью вставных конструкций, представляют установочную базу для релевантного введения новой информации. Комментарий как назначение (функция-потенция) вставных конструкций направлен на обеспечение *пред-понимания* в герменевтическом смысле этого термина. Возможность такого рода комментария, заложенная в языковой системе, реализуется говорящим в соответствии с течением и условиями конкретной коммуникативной деятельности.

Итак, осложненное предложение всегда отображает две и более коммуникативно неравноценные единицы информации и два и более коммуникативных действия говорящего, обеспечивающих различие в статусе реализованных пропозиций. Коммуникативные действия, направленные на изменение статуса единицы информации, сводятся к трем типам операций над соотношением предиктивных пропозиций:

слиянию, расщеплению, добавлению. В языковом выражении пропозиций, соответственно, наблюдается редукция, трансформация и инкорпорирование языкового материала, что обуславливается как типом самой пропозиции – диктумной, модусной, логической, так и наличием в языковой системе средств для их выражения. Таким образом, тип осложняющей категории определяется: 1) типом «внутрен-

них» коммуникативных (ментально-модусных) действий говорящего (слияние, расщепление, добавление), 2) типом коммуникативных (речемыслительных) действий говорящего (указание, представление), 3) типом пропозиции (диктумная, модусная, логическая) и 4) типом «внешних» коммуникативных действий при экспликации пропозиции (редукция, трансформация, инкорпорирование).

Номинация пропозитивного предикативного центра в ДПП

М. П. Манаенкова

Мичуринский государственный педагогический институт

Пропозиция, репрезентанты, ситуативно-предметное подлежащее, ситуативно-признаковое сказуемое

Summary. In simple two-compound attributive sentences subject and predicate can be propositive.

Актуализация в современной лингвистической науке понятия пропозиция позволила не только значительно расширить представления о природе некоторых синтаксических явлений, но и уточнить их границы, определить спектр их разноуровневых репрезентантов.

Пропозиция с точки зрения ее использования в предложении может быть базисной и небазисной. Вместе с тем необходимо отметить, что пропозиция, сверх того, неоднородна и в содержательном отношении: в ходе лингвистических и логических исследований последних десятилетий стала достаточно очевидной неоднородность семантики пропозитивных членов предложения, представленной такими категориями, как *пропозиция, событие, процесс, факт*, и важность разделения таких членов в содержательном плане на два вида: «процессы (состояния, свойства, события) и факты (собственно пропозиция)» [1, 129]. Однако нам представляется, что противоположение события и факта, какой бы кардинальный характер оно ни носило, во всех случаях остается типологически незначимым. Поэтому при описании репрезентантов и семантико-функциональных свойств предикативного центра мы объединим все непредметные подлежащие в один тип – ситуативно-предметное подлежащее, а пропозитивные сказуемые – в тип ситуативно-признаковое сказуемое.

В двусоставных признаковых предложениях (ДПП) ситуативно-предметное подлежащее имеет иное в сравнении с собственно-предметным подлежащим семантическое наполнение: не называет предмет, а лишь указывает на свернутую ситуацию. Ситуативно-предметное подлежащее в нашем типе предложений может репрезентироваться двумя способами: эксплицитным и имплицитным. При эксплицитной номинации выражается: а) пропозитивными существительными (девербативами и деадъективами): *Все работы хороши – выбирай на вкус* (В. Маяковский); *Настоящая мудрость немногословна* (И. Тургенев); б) местоименными прилагательными и местоименными существительными: *Скверно то, что выступает подпочвенная вода* (М. Шолохов); *Это дурно, что вы говорите* (Л. Толстой); *Все, что круче, вам ужасно, А все, что плоско, – по душе* (А. Фет); в) инфинитивом полнозначного глагола: *Как мне любо слушать Вьюжную свирель* (А. Блок); *Хорошо слушать игру на рояле* (К. Федин); г) инфинитивной частью глагольного фразеологизма: *Копаться в чужом белье неприлично* (из газет); *Покупать kota в мешке смешно* (из газет).

Возможна и имплицитная номинация ситуативно-предметного подлежащего. При этом, если в собственно-предметном подлежащем всевозможные сокращения и редукции – явления эпизодические, то номинация ситуативно-предметного подлежащего имплицитным способом, наоборот, довольно распространена. Чаще всего это подлежащее не получает лексического выражения в трех основных случаях:

а) в высказываниях, где отсутствие лексического репрезентанта подлежащего восполняется за счет его экспликации, отсылающего к предшествующей реплике диалога: – *Человеческая кровь – страшно* (А. Коптяев); б) в клишированных структурах с местоименным словом *так* (*как, иначе*), выступающим в роли номинатора сокращенной пропозиции в целом: *Мы жили так, потому что иначе было нельзя* (К. Симонов); в) в конструкциях, предполагающих редукцию подлежащего – изъяснительного придаточного, которое совпадает по своему лексико-морфологическому составу с придаточными времени и условия: *Нет, не смешно, когда маляр безобразный Мне пачкает Мадонну Рафаэля* (А. Пушкин); *Приятно, если женщина образованна* (А. Чехов).

Ситуативно-признаковый компонент бинарного сказуемого в ДПП, косвенным способом номинирует свернутую пропозицию. Местоимения *такой, таков* репрезентируют такой признак двояким путем: либо посредством указания на последствия данной ситуации, либо путем отсылки к похожим, но не тождественным ситуациям или обстоятельствам: *А лишь позавидовали, что этот человек был таким, что перед ним все они и даже смерть были бессильны* (В. Астафьев); *Усталость была такая, что мы сели прямо на снег* (В. Шаламов); *Все в доме было таким, каким Потапов хотел его видеть* (К. Паустовский); *Представления о том, что хорошо, что дурно, у актеров такие же, как у нас с вами* (из газет); *А эта леда не такая железная, какой пытается казаться* (из газет); *Встряска была точно такой же, как в коридорах редакции* (из газет).

В устно-разговорной речи реляционная часть данных высказываний – анализируемые местоимения, соединительные союзы и союзные слова – сплошь и рядом редуцируются. В таких, надо заметить, нечастых случаях в ДПП наблюдается имплицитная номинация вещественного компонента сказуемого: позиция главного члена остается незамещенной, а содержание признака вычитывается из пониженных в ранге предложений, фиксирующих некоторое следствие или из сравнительных оборотов (например, предложения типа *Ночь – зги не видать* следует читать так: *Ночь такая (темная), что зги не видать*); *Какая ночь! Темнота – глаз выколи* (А. Серафимович); *Обстановка у нас – хоть из дома беги* (из газет); *Картина – глаз не отвести* (из газет); *А крыльцо – дай бог иному князю* (А. Н. Толстой); *Настроение – лучше не надо* (В. Шукшин).

Семантические особенности репрезентантов подлежащего и сказуемого исследуемого типа в ДПП существенно изменяют и их формальные свойства: зачастую они становятся аналогом подлежащего или сказуемого.

Литература

1. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.

Особенности коммуникативно-синтаксической организации полипредикативных сложносочиненных предложений

Е. П. Марченко

Кубанский государственный университет, Краснодар

Summary. Polipredicative complex sentences have been researched into in their communicative-syntactic aspect. Their compositional and communicative peculiarities, the correlation between grammatic and actual articulation, the specific character of communicative-syntactic organization of the sentence have been revealed.

1. Полипредикативные сложносочиненные предложения (ПССП) характеризуются относительной независимостью, 251

равноправностью компонентов, соединенных сочинительными союзами. В связи с этим актуальное членение смысло-

вых компонентов в целом и каждой предикативной единицы в частности отличается сравнительной автономией. Каждая из предикативных частей отвечает «своему» коммуникативному заданию. Такая организация тема-рематического членения ПССП характерна для линейного композиционного типа полипредикативного сложного предложения, в котором каждый компонент обладает определенной степенью автосемантии.

2. В основе объединения предикативных частей названного композиционного типа лежит принцип их тематической связности и единства предметно-ассоциативного поля:

¹А там, дома, в это время уже / роса падала //, ²сад / благоухал свежестью //, ³пахло из топившейся поварской //; ⁴далеко за равнинами хлебов, за серебристыми тополями на окраинах сада, за старой заветной баней / догорала заря //, а ⁵в гостиной / были открыты двери на балкон //, ⁶алый свет / мешался с сумраком в углах //, и ⁷желто-смуглая, черноглазая, похожая и на дедушку, и на Петра Петровича барышня / поминутно оправляла рукава легкого и широкого платья из оранжевого шелка //, пристально смотрела в ноты //, сидя спиной к заре //, ударяя по желтым клавишам //, наполняя гостиную торжественно-певучими, сладостно отчаянными звуками полонеза Огинского // и как будто не обращая никакого внимания на стоявшего за нею офицера – приземистого, темнолицого //, подпиравшего талию левой рукой и // сосредоточенно-мрачно следившего за ее быстрыми руками... (И. Бунин).

[1], [2], [3], [4], а [5], [6], и [7]

3. Выделяются два структурно-смысловых компонента, основу которых формируют коммуникативные центры «там, дома» и «в гостиной». Первый компонент (1–4) с бессоюзной связью между предикативными частями обуславливает наличие в нем определенной смысловой динамики отражаемых событий. Второй компонент (5–7) с бессоюзием и сочинительным союзом «и» указывает на продолжение событий. Между собой структурно-смысловые компоненты связаны сочинительной противительной связью. Противопоставляются два смысловых пространства, обнаруживается относительная коммуникативная самостоятельность каждого компонента, что подтверждается спецификой актуального членения предложения.

4. Схема коммуникативного членения соотносится со структурной схемой ПССП:

[T₁ → R₁ + T₂ → R₂ + R₃ + T₃ → R₄], а [T₄ → R₅ + T₅ → R₆ + T₆ → R₇]

Каждая из предикативных частей имеет свое, относительно завершённое тема-рематическое членение. Третья предикативная часть представляет собой безличное предложение и поэтому полностью рематична. Движение от темы к реме отражает динамику описываемых событий, которые в совокупности образуют более объемную сложную ситуацию. Внутри заключительной седьмой предикативной части обнаруживается актуальное членение второй ступени, наличие которого связано с высокой степенью информативной насыщенности, выраженной в деепричастных и причастных оборотах. Деепричастия «сидя», «ударяя», «наполняя», «как будто не обращая внимания» формируют отдельные информативные линии, составляющие новое направление в акту-

альном членении ПССП, а значит, новые ремы. Поэтому тема-рематическое членение седьмой предикативной части отличается от коммуникативного членения предшествующих предикативных частей. Актуальное членение ПССП линейного композиционного типа не всегда одноуровневое, так как наличие в предикативных частях обособленных компонентов формирует отдельную ступень в тема-рематическом членении.

5. Сравним с предложением:

¹У счастья / тоже есть своя поэзия //, но ²создает поэзию // только недостаток /: ³тоска / – ее мать //, ⁴страдание / – ее природный отец // (Лаубе).

[1], но [2]: [3], [4]

ПСП состоит из двух структурно-смысловых компонентов, один из которых представлен первой предикативной частью, второй – сочетанием второй, третьей и четвертой частей. Часть и компоненты соединены на доминирующем уровне сочинительным союзом «но», на основании чего квалифицируем данное предложение как ПССП линейного композиционного типа. Актуальное членение отражает его специфику:

но
[T₁ → R₁] + [R₂ ← T₂ + T₃ → R₃ + T₄ → R₄]

В данном предложении присутствует автономное для каждой предикативной части актуальное членение. В отличие от первого предложения оно не содержит актуального членения второй ступени, характерного для полупредикативных оборотов. Информация разворачивается последовательно. Смысловая граница обусловлена сменой тем. Линейный композиционный тип ПСП представлен в двух вариантах.

6. Коммуникативное членение ПССП соотносится с грамматическим, повторяет его в основных компонентах, следовательно, возможен абсолютно линейный коммуникативно-синтаксический тип ПССП. Последовательная смена компонентов тема-рематического членения определяет коммуникативную динамику полипредикативной структуры и включает в себе имплицитные текстообразующие возможности.

7. В ПССП, где границы актуального и грамматического членения не совпадают, есть расхождения в грамматической и коммуникативной организации. Структурная схема хотя и представляет линейный композиционный тип, но не отражает объективной коммуникативной насыщенности ПСП. Поэтому актуальное членение имеет ступенчатый характер, обусловленный смысловой глубиной последней предикативной части. Такой коммуникативно-синтаксический тип ПСП можно назвать *линейно-ступенчатым* и его нельзя смешивать с композиционным линейно-ступенчатым, который также находит выражение в ПССП.

8. Целостность ПССП как единой коммуникативной единицы подтверждается спецификой актуального членения, для которого характерна относительная автономность. Последовательная смена тем обуславливает коммуникативное движение по горизонтали, а расположение рем обеспечивает информативную емкость ПССП. Движение от темы к реме отражает динамику описываемых событий, что находит выражение в коммуникативно-синтаксической организации предложения.

О грамматической и коммуникативной природе конструкций с «расчлененными» Т-К-союзами*

В. А. Мишланов

Пермский государственный университет
Русское сложное предложение, структура, семантика

Summary. This paper is concerned with the analysis of the syntactic and semantic features of the causal compound sentence in Russian.

Одна из актуальных задач синтаксиса русского сложного предложения заключается в выявлении деривационной природы и семантической специфики каузальных сложноподчиненных предложений (СПП) с составными Т-К-скрепами, в которых синтаксическая граница проходит либо слева от такой скрепы (*Иван не приехал, потому что был болен*),

либо пересекает ее, отчленяя Т-местоимение от гипотактического показателя (*Иван не приехал потому, что был болен; Иван потому именно не приехал, что был болен* и под.).

СПП первого рода квалифицируются как расчлененные; в трактовке же конструкций второго рода остается некоторая неопределенность: по семантическим признакам они ото-

* Работа издается при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 05-04-82407 а / У.

ждествляются с классом расчлененных СПП (рассматриваются обычно в разряде конструкций обусловленности – [Грамматика-80, 562–602]), в то же время синтаксисты подчеркивают, что по формальным характеристикам предложения с «разделенным» Т-К-союзом, особенно в случае позиционного разобщения его компонентов, близки к нерасчлененным СПП. В. А. Белошапкова, внесшая большой вклад в изучение грамматической природы расчлененных и нерасчлененных СПП, обратила внимание на то, что структурные различия между ними «сглаживаются вследствие тенденции к слиянию соотносительного слова и асемантического союза в единый составной семантический союз, дифференцированно выражающий смысловые отношения между главной и придаточной частью», а СПП с дистантным расположением компонентов составного союза «совмещают свойства местоименно-соотносительных... и детерминантных предложений» [Грамматика-70, 692, 693].

В настоящем докладе мы попытаемся показать, что не только по своим конструктивным признакам, но и по семантическим и коммуникативным особенностям предложения со скрепами типа *потому, что... (потому..., что...)* следует относить к классу нерасчлененных СПП (с так называемыми *что*-придаточными), в которых союз *что* является абстрактным показателем подчинения, а каузальное отношение выражается внутри главной части – наречием или сочетанием предлога с Т-местоимением (*потому, из-за того, вследствие того, по причине того* и под.).

Подчеркнем, что в деривационном (синхронно-динамическом) плане эти варианты каузальных СПП скорее всего не связаны, т. е. в текстопорождающих процессах нет того, что можно было бы назвать *расчленением* союза. Оба типа каузальных СПП порождаются в соответствии с определенной мотивацией, по особым моделям, с использованием специализированных средств связи. В диахроническом же плане логичней было бы говорить о *слиянии* коррелятивного Т-К-комплекса (аналогичный процесс реконструируется и для церк.-слав. скреп с коррелятивным I-местоимением типа *по-не-же*).

Приведенные выше примеры, имея тождественные пропозитивные структуры, не совпадают по значению, при этом семантические различия в данном случае лежат в сфере коммуникативной организации предложения. Очевидно, чаще всего некоррелятивное подчинение (в расчлененных конструкциях) отражает такое актуальное членение СПП, когда придаточное (в письменном КЛЯ обычно постпозитивное) входит в рему вместе с каким-либо компонентом главного или (реже) образует рему, если все главное предложение относится к теме высказывания. Нерасчлененные конструкции (СПП с разобщенным союзом), как правило, имеют принципиально иное актуальное членение. Во-первых, все они относятся к контрастивным высказываниям, а, во-вторых, в фокусе контраста оказывается сама каузальная связь между *известными* участникам коммуникации событиями, т. е. показатели причинного отношения. Цель предложения *Иван* [именно] *потому не приехал, что был болен* заключается в том, чтобы сообщить, какое из нескольких известных событий является причиной другого известного события.

О некоторых типах инфинитивных сочетаний

С. А. Мкртычян -Лалаян

Ереванский государственный университет (Армения)

Summary. Consider the infinitive expressions with adverbs, interjections and particles with the meaning of the beginning or the end of the action.

Вопросу сочетаемости инфинитива с различными частями речи, в частности с глаголом, в языкознании посвящено большое количество исследований.

Нами рассматриваются инфинитивные сочетания с наречиями, междометиями и частицами, выражающими начало или прекращение действия. Эти сочетания приближаются по семантике к глагольным сочетаниям с видовыми значениями, но имеют свои существенные особенности.

Собственно начинательное значение имеют сочетания инфинитива с частицами *и ну, и давай*, вводящими последующее действие и подчеркивающими его интенсивность. Эти конструкции аналогичны приставочным глаголам со значением начинательности (*Упадет и давай плакать.= Упадет и заплачет*).

253

Синтаксическая и коммуникативная специфика конструкций с «расчлененными» союзами состоит в том, что придаточная часть содержит *дезактуализованную* предикативную единицу. При союзном способе подчинения дезактуализация осуществляется как неполная номинализация предложения, в результате которой образуется *что*-придаточное (при этом, как показала Н. Д. Арутюнова, событийная предикация превращается в фактуальную). По синтаксической природе придаточные, подчиняемые сочетанию Т-местоимения с каузальным предлогом (*по, из-за, благодаря, вследствие* и под.), тождественны, на наш взгляд, «классическим» неполным номинализациям, т. е. *что*-придаточным, подчиненным предикативным единицам с реляционным предикатом (*Сложность состоит в том, что Иван не может приехать*; такие конструкции нередко называют изъяснительными, невольно смешивая их с СПП совершенно иного типа). Если отношение, обозначенное каузальным предлогом, выразить особой предикацией то вся конструкция перейдет в разряд «изъяснительных» (ср.: *То, что Иван заболел, и было причиной того, что он не приехал*).

Конструкции с «расчлененным» союзом (с *что*-придаточными) в разряде каузальных СП могут быть мотивированными и аналогическими. Мотивированными (такими, в которых *что*-придаточное входит в тему, т. е. представляет собой результат дезактуализации) являются контрастивные высказывания с причинными и целевыми придаточными, немотивированными – прочие каузальные (условные и уступительные).

В предложении типа *Мы поехали на рыбалку, несмотря на то что шел проливной дождь* граница между темой и ремой может совпадать с синтаксической, может проходить слева от нее, но нет, по-видимому, таких контекстов, в которых само отношение получало бы больший коммуникативный вес, чем придаточное предложение, было бы как-то по-особому коммуникативно выделено. Другими словами, уступительное отношение не может быть фокусом контрастивного высказывания, поскольку «пропозиция-антистимул» обычно не включается в дизъюнктивное отношение с другими «антистимулами» (поэтому не встречаются предложения типа **Мы поехали на рыбалку не несмотря на то, что шел проливной дождь, а несмотря на то, что Иван был болен*).

Таким образом, если семантические разновидности каузальных СПП, в которых Т-К-союз сохраняет «немотивированную» запятую (например, уступительные с союзом *несмотря на то, что*), должны быть квалифицированы как переходные, совмещающие признаки нерасчлененных (в формальном отношении) и расчлененных конструкций, то причинные и целевые СПП распадутся на два противопоставленных типа: конструкции со слившимися скрепами по своим формальным и коммуникативным признакам тождественны прочим расчлененным СПП (в любой конструкции с обобщенным значением причинности можно без всякого ущерба для смысла заменить слившийся Т-К-союз скрепой двучленного СПП – *ибо, поскольку*), предложения с двухместными скрепами (с «разделенными» союзами) всецело принадлежат типу нерасчлененных конструкций, в которых *что*-придаточное включается в синтаксическую структуру главного предложения.

Конечно, такие параллели ограничены возможностями глагольного словообразования, но в целом данные частицы можно уподобить глагольным приставкам с инхоативным значением. Инфинитив в данных сочетаниях выражает действие осуществляющееся.

Сочетания с междометиями *айда* и *марш* имеют побудительное значение. Семантика данных междометий предполагает некоторое перемещение в пространстве, предшествующее действию, выраженному инфинитивом (*Айда купаться! Марш спать!*). Субъект побуждается к перемещению в пространстве с целью осуществить определенное действие.

Сочетания с междометием *чур* приближаются к императиву (*Чур, не драться*).

В сочетании с побудительными междометиями *айда, марш, чур* инфинитив выражает действие потенциальное.

Сочетания инфинитива с предикативными наречиями существенно прекращения действия не выражают. Они обозначают лишь побуждение к прекращению действия, которое осложняется различными семантическими оттенками (категоричность, увещание и т. п.).

Напр.: *Довольно кровь проливать! Ладно зубы заговаривать!*

Эти сочетания не имеют параллелей с приставочными глаголами со значением законченности действия.

Таким образом, сочетания инфинитива с наречиями, междометиями и частицами своеобразно дополняют глагольные сочетания с видовыми значениями.

О нормативности сочетаний имен существительных с собирательным числительным *оба (обе)* в современном русском языке (по наблюдениям над устной речью)

В. Н. Немченко

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
decan@fil.unn.ru

Имя существительное, собирательное числительное, падеж, число, устная речь

Summary. It is widely accepted that in the Modern Russian language the nouns combining with the collective numerals *оба (обе)* «both» are used in the form of the Genitive case, singular. According to our observations in oral speech under the analyzed conditions the nouns are often used in the form of the Nominative or Accusative cases, plural. This refers mainly to the nouns of the feminine gender. E. g., this form of the noun *сторона* «side» prevails over the form of the Genitive case, singular by frequency of usage in speech.

Принято считать, что в современном русском языке имена существительные при сочетании с собирательным числительным *оба (обе)* употребляются в форме род. падежа ед. числа. Ср., например: «...Числ. *два, оба, полтора, три, четыре*... соединяются с сущ. в ед. ч. (род. п.): *два дня, оба друга, полтора ведра, три книги, четыре студента*...» [1, 576]. Ср. также: «**Оба**, о б о́ и х, м. и ср., **обе**, о б е́ и х, ж., *числит. собир.* (о́ б а и о́ б е в им. и вин. падежах сочетаются с род. пад. ед. имени существительного, остальные формы согласуются в роде и падеже с именем существительным мн. числа)» [2, 11].

В современной русской речи, в том числе и в речи высокообразованных людей, имена существительные при сочетании с собирательным числительным *оба (обе)* довольно часто употребляются не только в форме род. падежа ед. числа, но и в форме им. или вин. падежа множ. числа, которые в большинстве случаев различаются и в плане выражения: либо окончанием (ср., например, *уха* и *уши*), либо местом словесного ударения (ср. *ноги́* и *но́ги*), либо тем и другим (ср. *плеча́* и *плéчи*). По нашим наблюдениям над современной устной речью говорящих разных профессиональных групп (журналистов, включая дикторов радио и телевидения, артистов театра и кино, научных работников, включая вузовских преподавателей, и других), большинство имен существительных в рассматриваемых словосочетаниях употребляются только или преимущественно в форме род. падежа ед. числа. Это относится, прежде всего, к существительным муж. и средн. рода, которые последовательно употребляются в данной форме, например: *оба глаза, оба уха* и др. Нами не зарегистрировано ни одного случая употребления существительных муж. или средн. рода в аналогичном контексте в форме им.-вин. падежа множ. числа. Что же касается существительных жен. рода, то среди них есть и такие, которые зафиксированы в речи как в форме род. падежа ед. числа, так и в форме им.-вин. падежа множ. числа.

В последнем случае, как правило, заметно преобладает употребление существительных в форме род. падежа ед. числа. Это относится к таким словам, как, например: *рука* – встретилось в форме им.-вин. падежа множ. числа в одном случае употребления из зафиксированных 33 (в выступлении журналиста по телепередаче новостей из Москвы 1 мая 2005 г.), *нога* – в двух случаях из 49 (в речи артиста и вузовского преподавателя, профессора из Петербурга), *страна* – в двух случаях из 79 (в речи журналиста и государственного служащего высокого ранга). Чаще в данной фор-

ме употребляется существительное *щека* (оно зафиксировано нами только в данной форме); ср.: *поцеловал [жену] в обе щёки* (артист – в худож. кинофильме «Дело Сухово-Кобылина»), *обморозил обе щёки* (мужчина – в телепередаче новостей из Москвы 23 января 2006 г.), *уплетаем за обе щёки* (женщина – в телепередаче рекламы 29 мая 1998 г.).

Обнаружено всего лишь одно существительное женского рода, которое в сочетании с числительным *оба (обе)* при весьма значительной выборке встречается преимущественно в форме им.-вин. падежа множ. числа. Это существительное *сторона*, которое в указанной форме зафиксировано в 497 случаях употребления из 856, что составляет 58,06% всех словоупотреблений. В речи журналистов (кроме дикторов) на долю данной формы приходится 67,45% всех зафиксированных случаев употребления (373 словоупотребления из 553), в речи артистов – 75,68% (28 словоупотреблений из 37), в речи научных работников – 50% (4 из 8), в речи прочих говорящих – 71,43% (75 из 105). Только в речи дикторов, которые наиболее строго соблюдают существующие предписания, преобладает форма род. падежа ед. числа, на долю которой приходится 88,36% случаев употребления (129 словоупотреблений из 146).

Большинство имен существительных жен. рода обнаружено нами только в форме род. падежа ед. числа: *обе войны, реки, стены* и мн. др. Данная грамматическая форма иногда используется даже при наличии определения, выраженного прилагательным в форме множ. числа: *обе мировые войны* (диктор Центрального телевидения Евг. Кочергин в телепередаче «Время» 20 января 1986 г.).

Результаты наблюдений над употреблением сочетаний имен существительных с собирательным числительным *оба (обе)* в целом подтверждают существующее мнение о нормативности данных конструкций с существительным в форме род. падежа ед. числа. В то же время следует признать факт существования вариативности рассматриваемых конструкций, возможность известных колебаний в выборе грамматической формы существительного. Очевидно, употребление в составе данных конструкций имен существительных женского рода, по крайней мере некоторых из них, в форме им.-вин. падежа множ. числа можно считать допустимым, граничащим с литературной нормой.

Литература

1. Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. 1.
2. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 8. М.; Л., 1959.

Лексические условия реализации синтаксических конструкций и лингвистический эксперимент (по Л. В. Щербе)

Б. Ю. Норман

Белорусский государственный университет, Минск (Беларусь)

Синтаксическая конструкция, синтаксическая позиция, лексический класс, лингвистический эксперимент

Summary. The paper treats the relation between syntactic pattern and semantic groups of words. As examples are the Russian phrases like *Человек человеку волк* and *Учитель из Петрова плохой* given.

Присущий каждому языку способ отражения объективной действительности закрепляется с помощью специфического

набора синтаксических моделей. В синтаксической модели имплицитно содержатся лексические условия ее реализа-

ции: каждый компонент модели – синтаксическая позиция – испытывает предпочтение к заполнению тем или иным классом слов. В научной литературе эта идея находит свое выражение в противопоставлении относительно свободных и фразеологически связанных синтаксических моделей, причем список последних в русистике обнаруживает неуклонную тенденцию к расширению.

Механизм взаимодействия синтаксической модели и лексико-семантических классов слов будет продемонстрирован на примере некоторых классов примеров.

Так, выражения типа *Человек человеку волк*; *Гусь свинье не товарищ*; *Ты мне не судья* и т. п. построены по одной и той же синтаксической модели, продуктивность которой легко показать через расширение круга лексем, занимающих указанные позиции. В текстах мы можем встретить не только *Внук бабушке первый помощник* или *Маша Петру дальняя родственница*, но и *Я – страница твоему перу* (М. Цветаева); *Человек человеку совет, способ и инструмент* (М. Жванецкий) и т. п. Ср. также многочисленные перифразы, бытующие в виде «антипословиц»: *Сытый конному не пеший*; *Гусь товарищу не свинья*; *Рубль липе не товарищ* и т. п. (Вальтер, Мокиенко 2005). Но значит ли это, что по-русски можно сказать также *Иванов складу не сторож* или *Лейтенант роте командир*?

Здесь мы, пытаясь распространить выявленную модель на «новую» лексику, прибегаем к методике лингвистического эксперимента (по Л. В. Щербе). Получаемый при этом «отрицательный речевой материал» указывает не только на семантические ограничения, налагаемые на функционирование синтаксической модели, но и на возможность формализованного выделения соответствующих лексических классов (в частности, ЛСГ родства и свойства).

Другая группа примеров – высказывания типа *Учитель из Петрова плохой*; *Оратор из него – так себе*; *Советчик из Мишки нукудышный* и т. п. Будучи результатом сложения двух пропозиций (ср. *Петров – учитель* и *Учитель – плохой*), подобная фраза строится по трехчленной модели, от-

ношения между членами которой – субъектом, квалификативом и квалификативом – строго регламентированы. При этом первый из них, как правило, представлен названием лица, второй – названием профессии, функции и т. п., а третью позицию занимает лексема со значением оценки (чаще – негативной). Стоит попробовать расширить указанные лексические границы – и мы получим высказывания, отмеченность которых вызывает сомнения, например: *Стройматериал из глины плохой*; *Пособие из этой книги – никакое*; *Столица из Петербурга – сомнительная*; *Птица из пингвина нукудышняя*; *Еда из борца – отличная* и т. д. Можно ли так сказать? В принципе можно; но так не говорят. Несоблюдение семантических условий, лексическое «расползание» синтаксической позиции ведет к семантическому усложнению, метафоризации высказывания.

Таким образом, лексическая обусловленность оказывается внутренним свойством синтаксической модели, воплощающим в себе идею взаимосвязанности отдельных уровней в общей системе языка. В той или иной форме она находит себе отражение и в синтаксических исследованиях. В русской лингвистике данная проблематика активно разрабатывается начиная с 50-х годов прошлого века. В частности, она отразилась в концепции «синтаксически обусловленного лексического значения» у слов типа *гусь* или *загляденье* (В. В. Виноградов), в попытках систематизации лексико-семантического воплощения синтаксисом (Г. А. Золотова), в описаниях «предложенной фразеологизированной структуры» типа *Всем пирогам пирог*; *Чем не жених? Что за характер! Нет чтобы подождать! Без тебя праздник не в праздник* (Н. Ю. Шведова, Д. Н. Шмелев) и др.

С нашей точки зрения, «фразеологизованность» синтаксических моделей имеет всеобщий, но при этом градуальный характер. На одном полюсе этой шкалы находятся высказывания вроде *Всем пирогам пирог* или *Праздник не в праздник*, на другом – *Отец спит* или *Кошка лижет молоко*, а где-то посередине – *Внук бабушке первый помощник* или *Учитель из Петрова плохой*.

Функционально-семантический анализ тавтологических сочетаний Им. п.+Тв. п.

Т. И. Стеклова

Новосибирский государственный педагогический университет
Синтаксические фраземы, тавтология, семантика, прагматика

Summary. The report looks upon semantics, pragmatics and functions of syntactic phrasemes of a tautological type (nouns in the nominative case + nouns in the ablative case), which obstruct literal translation into the English language.

Тавтологические сочетания имен в Им. п. + Тв. п. представляют собой различные модели, которые отличаются значением, позицией в предложении, ограничениями на лексическое наполнение компонентов, а также выполняемыми функциями в речи. Можно выделить пять случаев, причем четыре из них – функционирования данного сочетания в пределах одной предикативной единицы, а пятый случай требует обязательности полипредикативной конструкции.

1. *Клин клином вышибать* (выбивать) – уничтожать результаты какого-либо действия или состояния теми же средствами, которые это действие или состояние вызвали [Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова]. Данный фразеологизм тавтологического типа не содержит тавтологической аномалии. Значение объекта и орудия задаются валентностью глагола (что делается при помощи чего?). Тавтологический повтор семантически оправдан значением данного фразеологизма. Так как фразеологизм широко употребителен в русском языке, то в речевой практике он зачастую употребляется с вербально незамещенным предикатом. По этому же образцу строятся и тавтологические обороты с другими лексемами, которые имеют то же значение, причем актуализируется семантика объекта и орудия. Эта модель тавтологической конструкции обычно используется с вербально выраженным предикатом, хотя встречаются и другие случаи. Ср.: *Алмаз алмазом гранится*, *плут плутом губится* (В. И. Даль. Пословицы русского народа); – *Так сказать, подобное – подобным, фантастическое – фантастическим...* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. За миллион лет до конца света). Следует отметить, что лексическое наполнение позиции Им. п. + Тв. п. 255

имеет определенные ограничения, обусловленные лингвистическими и, прежде всего, экстралингвистическими факторами.

2. Вторая модель имеет значение сравнения и также функционирует в пределах одной предикативной единицы. Рассмотрим примеры: – *Ты, Ваня, человек очень умный, – пытайся нашарить в темноте засов, говорил председатель заплетающимся языком...* – *С виду дурак дураком, а приглядеться – ум государственный* (Вл. Войнович. Жизнь и необычные приключения солдата Ивана Чонкина). *С виду дурак дураком* = ‘похож на дурака’.

3. Также функционирует в пределах одной предикативной единицы. Близко по значению к предыдущей модели, но приобретает дополнительную нагрузку: передает **интенсивность признака, качества, свойства**. *Трепач он был, тещин. Дурак дураком. Ботало коровье. Жил, правда, крепко* (В. Шукшин. Билетик на второй сеанс); *А майор попался дурак дураком!* (В. Астафьев. Веселый солдат).

Наполнение компонентов ограничивается существительными, в лексическом значении которых есть признаковые семы. *Дурак дураком* = ‘полный дурак’, *подлец подлецом* = ‘настоящий подлец’, ‘окончательный подлец’. Лексемы в данной конструкции обычно имеют негативную оценочную коннотацию. Сомнительной представляется фраза: **Он был талант талантом!*

4. Нами отмечено еще одно значение данной тавтологической конструкции в составе одной предикативной единицы: **соответствие норме**. – *Посмотри, какой я хороший стол купила!* – *Стол столом*. Следует признать, что подобное употребление тавтологической конструкции встретилось

нам только в устной разговорной речи. Этот случай не является частотным. Более типичным в данном контексте является употребление другой тавтологической конструкции с тем же значением: *Стол как стол* (т. е. такой, какой и должен быть, соответствующий ожиданиям, основанным на нормативном представлении о данном предмете).

5. В следующем случае конструкция Им. п. +Тв. п. функционирует только в составе полипропозитивного и полипредикативного предложения, части которого соединены сочинительным союзом с противительным значением. Тавтологическая конструкция основана на синтаксической неполноте. Ср. *Дружба дружбой, а табачок врозь*. – ‘Дружба остается дружбой (ее никто не отменяет, не разрушает, т. е. постулируется ее «статус кво»)’. Предикат может быть вербально выраженным: *Я понял, что для Тимохи не было утешения и в сознании, что он пострадал за общее дело: мир оставался миром, грех грехом, земля землей, его судьба ни в какой связи ни с какими большими делами не состояла* (В. Г. Короленко. Марусина заимка). Но так как в подобной модели предикат всегда имеет только одно значение, он в силу своей очевидности обычно опускается.

Можно выделить несколько вариантов этой модели.

1) Тавтологические конструкции в обеих предикативных единицах. Семантика – противительно-сопоставительная. *Но, оказывается, любовь любовью, а пенсия пенсией*. (Ф. Павлов-Андреевич. Бег). Противительно-сопоставительный союз *а* может быть имплицитным: *Праздник был в самом разгаре: война войной, обед обедом* (С. Осипов. Страсти по Фоме).

2) Тавтологическая конструкция только в первой предикативной единице. Семантика противительно-сопоставитель-

ная. *Война войной, а права человека в Америке святы* (Известия. 12.07.01).

3) Тавтологическая конструкция только в первой предикативной единице. Семантика – противительно-уступительная. *Шутки шутками, но болезнь в значительной мере подорвала мое здоровье, единственным утешением было то, что я похудел на двадцать килограммов* (Л. Утесов. Спасибо, сердце!).

Интересно отметить, что среди примеров нам не встретились тавтологические конструкции в обеих предикативных единицах с противительно-уступительной семантикой.

Противительная семантика предложений с данной тавтологической конструкцией не мотивирована лексическим наполнением имен. Представляется, что в позиции Им. п. и Тв. п. могут функционировать любые имена существительные. Само сочетание тавтологических словоформ предопределяет семантику, возникающую между предикативными единицами. Ср.: *Война войной, но молодость брала свое*. Вряд ли естественным будет восприниматься предложение с тем же лексическим наполнением тавтологической конструкции, но с соединительным союзом *и*: **Война войной, и нужно вести себя соответственно обстоятельствам*. Здесь более естественным будет употребить другую тавтологическую конструкцию: *Война есть война, и нужно вести себя соответственно обстоятельствам*. Но, с другой стороны, кажется возможным использование исследуемой тавтологической конструкции с соединительным союзом в случае вербально выраженного предиката: *Война остается войной, и нужно вести себя соответственно обстоятельствам*.

В докладе рассматриваются особенности функционирования данных фразем в тексте.

О некоторых случаях релевантности атрибута по отношению к коммуникативной задаче предложения

Э. Тумазу

Университет Нанта (Франция)

Грамматика текста, референция, имя прилагательное, атрибут, описательная функция

В работах [2], [3], [5] было уже замечено, что присутствие атрибута может играть роль в построении текстовой последовательности, особенно при введении в текстовую ситуацию нового референта. Выступая в Сорбонне на коллоквиуме, посвященном феномену фокализации, И. Шатуновский объяснил эту роль необходимостью «описать» референт при его первом введении в текстовую ситуацию. Однако он справедливо заметил, что «описание» уже введенного в текст референта может привести к нарушению логики развития текста. Для иллюстрации этого тезиса он привел следующий пример: *Я увидел девушку. *Красивая девушка посмотрела на меня*. В нашем докладе мы предлагаем задуматься об истинных причинах, которые мешают логичному пониманию данной текстовой последовательности, а также уточнить контексты, в которых введение нового референта не требует «описания» (то есть присутствия в именной синтагме атрибута), поскольку это не соответствует коммуникативной задаче предложения. Эти размышления позволяют нам пересмотреть традиционно принятое бинарное деление

на атрибуты рестриктивные и нерестриктивные (в частности, [4]) или на атрибутивные сочетания аналитические и синтетические ([1]).

Литература

1. *Годер Н. М.* О логической структуре понятия, выраженного словосочетанием // *Логико-грамматические очерки*. М., 1961. С. 49–58.
2. *Селивёрстова О. Н., Прозорова Л. А.* Коммуникативная перспектива высказывания // *Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность*. СПб., 1992. С. 189–213.
3. *Шатуновский И. Б.* Основные принципы и способы интродукции объектов в дискурсе // *Семантический анализ единиц языка и речи: процессы концептуализации и структура значения. Первые чтения памяти О. Н. Селивёрстовой*. 17 октября 2003 года. М., 2004. С. 231–244.
4. *Leech G., Svartvik J. A.* A communicative grammar of English. London, 1994.
5. *Toutazou E.* Quand l'épithète assure l'indéfinitude d'un syntagme antéposé au prédicat // *Slovo*. 30 / 31. Paris, 2004. S. 289–309.

Экспрессия и экспрессивность

В высказываниях с модальным смыслом долженствования

С. Н. Туровская

Таллинский университет (Эстония)

Экспрессивность экспрессия, модальный смысл, концепт долженствования, прагматизация текста, русский язык

Summary. The modal sense of obligation is delivered as a regulative function of human behavior, as a result of cultural experience together with personal fate. The paper examines relation between modal meanings and expressivity. Pragmatic, expressive, axiological aspects of modality have been investigated with the accent on an individual – either a speaker or an agent of modal action or both.

Как известно, долженствование – культурно-историческая универсалия, восходящая к понятию долга и имеющая в каждом языке свои средства концептуализации. Как тоже

хорошо известно, логический концепт и лингвистический концепт долженствования – объекты содержательно сходные, но не тождественные. Похоже, что основным свой-

ством, отличающим лингвистическое понимание концепта, является закреплённость такого понимания за определёнными способами языковой реализации, включая и всю коммуникативно значимую информацию. Под такой расширенной информацией понимаются все характеристики, так или иначе связанные с субъектом, – от места модальных лексем и модальных предикатов в лексической и грамматической системе языка до прагматической информации, связанной с ценностным и эмоциональным миром субъекта. Такая информация необходима и обязательна, учитывая природу модальных объектов – обязательную отсылку модальных предикатов долженствования к сознанию, к Я. Включение в семантическое описание прагматических факторов отвечает природе объекта, и, что особенно важно, в случае подобных объектов вообще бессмысленно говорить о какой бы то ни было автономной прагматике – она полностью «растворена» в семантике. Другими словами, когда лингвистика вновь стала учитывать активную роль субъекта в высказывании, а свои результаты соотносить не только с логикой (пусть и с неклассическими ее ответвлениями), но и с данными психологии, возникла необходимость переосмысления термина *концепт долженствования*. В данном случае (т. е. исходя из целей данного сообщения) термин употребляется, скорее, в ретроспективном смысле, в духе возвращения к Абельяру, который включал в концепт воспринимающего и мыслящего субъекта.

Высказывания с генерализованным смыслом долженствования употребляются с различной мотивацией, с различными целями, в различных ситуациях, в различных типах текстов (по степени прагматизации), но объединены общей функцией – поисками целенаправленного и ответственного

изменения своего окружения. В этом общий смысл высказываний долженствования сближается с различными направлениями интенциональных логик, например, с логиками практического рассуждения, которые декларируют в качестве универсального подход к модальным высказываниям как к процессу формирования намерения субъекта изменить что-либо в своем окружении. Эти описания выглядят универсальными еще и потому, что процесс включения субъекта в различные логики практического рассуждения трудно формализуем, поэтому такая формализация возможна лишь в самом поверхностном приближении к проблеме субъекта. Логика не включает в свое описание феномен *ответственности* субъекта долженствования, т. е. акцептации долженствования субъектом. В плане стадийного овладения потенциального действия по направлению к намеченной цели конструкции долженствования отображают определенные стадии проявления активности, детально рассматриваемые в психологии деятельности. В фокусе данного сообщения – «динамические» конструкции долженствования. Средства создания такой модальной интенсивности чрезвычайно многообразны, но объединены одной функцией – акцептацией субъектом потенциального действия. Как показывает анализ языкового материала, именно феномен акцептации не позволяет отграничить и противопоставить рациональные и эмоциональные оценки в высказываниях долженствования. Экспрессивность становится полноправным и регулярным выразителем модального значения. Сообщение иллюстрируется многочисленными примерами (высказываниями с транспозицией императива, экспликацией контрастности, экспликацией грамматической метафоры, эллиптическими высказываниями и т. д.)

Классификации оценок в аспекте изучения оценочных высказываний

Ю. А. Фомина

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Оценка, классификация оценок, классификационный признак, оценочное высказывание

Большое разнообразие видов оценок исследователи этой категории пытались систематизировать, начиная с древних времен возникновения аксиологических теорий. Так, Аристотель выделял три основных типа добра (блага): внешние блага; блага, относящиеся к душе; блага, относящиеся к телу [1].

По мере семантизации аксиологических исследований были разработаны более детализированные классификации, в основу которых заложены различные критерии:

Первый критерий – аксиологическая интерпретация. Два значения аксиологического оператора – «хорошо / плохо» – позволяют в зависимости от знака «+» или «-» выделить два типа оценки:

- положительную (мелиоративную);
- отрицательную (пейоративную, дерогативную) [3].

Ср.: *Красавец!* («+»), *Болван* («-»).

Второй критерий – наличие эмотивного компонента. В зависимости от наличия или отсутствия эмотивного компонента оценка бывает

- рациональной (интеллектуально-логической);
- эмоциональной [3], [4].

Первая опирается на социальные стереотипы и выражается оценочным суждением. Вторая предполагает непосредственную реакцию на объект, характеризуется экспрессивностью. Ср.: *По всеобщему мнению, он поступил плохо и Негодяй!*

Третий критерий – соотношение объективного и субъективного факторов. В зависимости от характера оценочного признака, обусловленного взаимодействием объективных и субъективных факторов, выделяют две разновидности оценок [8], [2], [3], [4]:

- общая оценка (холистическая оценка, аксиологический итог);
- частная оценка.

Четвертый критерий – способ оценивания. В зависимости от формулировки оценочного высказывания выделяют два типа оценки:

- абсолютная оценка;
- сравнительная оценка [3].

257

В формулировках первой используются такие термины, как «хорошо / плохо», второй – «лучше / хуже». При абсолютной оценке речь идет, как правило, об одном оценочном объекте, при сравнительной – имеются по крайней мере два объекта или два состояния одного и того же объекта. Ср.: *Он хороший спортсмен; Этот бегун лучше, чем тот.*

Пятый критерий – влияние контекста. Учитывая влияние контекста на реализацию семантики оценочных единиц, различают две разновидности оценки:

- ингерентная (языковая, узусальная) оценка;
- адгерентная (речевая,okkaзональная) оценка [7].

Так, например, высказывание *Хануга* (о человеке) – и в контексте, и вне контекста будет иметь оценочное значение, т. к. выражено лексемой с негативным оценочным значением «тот, кто крадет, присваивает неблагоприятным способом» [6, 747].

В следующем фрагменте высказывание приобретает оценочное значение в контексте:

Охлопков покачал головой:

– *Упрямый парень.*

– *Сибиряк, – с иронией, но и с тихим восхищением ответил Вик (О. Н. Ермаков).*

Неоценочное само по себе слово *сибиряк*, имеющее значение «житель, уроженец Сибири» [6, 621], становится оценочным в контексте предшествующего оценочного высказывания *Упрямый парень*, приобретая значение «человек с твердым, закаленным характером, вырабатываемым суровым климатом и природой Сибири».

Каждая из рассмотренных выше типологий построена на выделении одного классификационного признака и, следовательно, позволяет рассматривать оценку в выбранном аспекте. Однако для анализа оценочного высказывания недостаточно какой-то одной отдельно взятой классификации оценок. Видится необходимым создание многомерной классификации оценок, учитывающей средства выражения оценочного значения.

Многомерную классификацию оценок можно представить в виде следующей схемы:

В предлагаемой классификации оценок скоординированы пять выше рассмотренных типологий. Предлагаемая классификация позволяет соотносить семантику и прагматику средств выражения оценки в высказывании. Такая классификация будет способствовать наиболее полной характеристике оценочных смыслов и способов их выражения в высказывании, функционирующем в тексте.

Литература

1. Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1984.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Вступ. статья Н. Д. Арутюновой, И. И. Чельшевой. Изд. 3-е, стереотип. М., 2006.
4. Каримова А. А. Категория оценки в современном русском языке: Учебное пособие. Уфа, 2003.
5. Маркелова Т. В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке // Филологические науки. 1995. № 3. С. 67–79.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов. Екатеринбург, 1994.
7. Якушина Р. М. Динамические параметры оценки: (На материале современного английского языка): Дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003.
8. Wright G. H. von. The Varieties of Goodness. New York; London, 1963.

Парадоксы восприятия и референция

О. Е. Фролова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Референция, перцептивный модус, нереферентная именная группа, референциальный ноль

Summary. The paper deals with the connection between the perceptual modus and reference of the nominal phrases. It is shown that the modus of mental view allows nonreferential use of the pronoun-nibud'. The perceptual modus also permits to reconstruct objects of referential zeroes and change hypotheses about extralinguistic objects.

Референция именных групп (ИГ) высказывания, как правило, рассматривается без учета его модусных характеристик. Подобный подход можно назвать пропозитивным. Между тем модус может влиять на референцию высказывания. Под модусом, вслед за Ш. Балли, мы понимаем субъективную часть высказывания, а в описании типологии модусов опираемся на четыре выделенные Н. Д. Арутюновой плана модусов: ментальный, сенсорный, волевый и эмотивный ([2]). Перцептивный модус выдвигает тот или иной фрагмент, представляя его читателю в виде воображаемой «картинки».

Первоначальное предположение заключается в том, что ИГ внутри эксплицитной или эллиптированной перцептивной рамки должны быть референтными, т. е. внутри перцептивной рамки не может быть ИГ с родовым, экзистенциальным дистрибутивным денотативным статусом, в терминологии Е. В. Падучевой ([4]). Сложность организации перцептивного модуса в том, что его синтаксическое устройство неоднородно. Высказывание с перцептивным модусом представляет собой сложноподчиненное предложение. Рамку, главное предложение, составляют субъект модуса и модусный предикат (*я вижу / видел, как...; он видит / видел, как...*). Придаточное предложение, собственно, формирует «картинку», или перцептивно воспринимаемые образы. Восприимчивость «картинки» отражается на лексическом уровне в инкорпорированном в лексическое значение наблюдателя ([1]), а на синтаксическом уровне – в локализации предиката во времени и пространстве.

Во-первых, перцептивное устройство высказывания «противоречит» синтаксической структуре сложноподчиненного предложения, т. к. «картинка» помещена в придаточное предложение, которое опустить нельзя, а эллиптируется только главное. При эллипсисе рамки, содержащей модус-

ный предикат, модус «восстанавливается» по наблюдателю в составе внутрирамочной конструкции ([5]). Модусные глаголы восприятия и глаголы перцептивного проявления объекта восприятия «прикреплены», соответственно, к главному (рамке) и придаточному предложениям (внутрирамочной конструкции). С одной стороны, это глаголы *видеть*, а с другой – *видеться* ([6]). Глаголы перцептивного (зрительного) проявления объекта могут быть: 1) пространственными: 1.1) положения в пространстве *простирается*, 1.2) формы *клубиться*, 1.3) конфигурации *выглядывать из-за чего?, застилать что? чем?*; 2) цветообозначения *зеленеть*, 3) светоизлучения *мерцать*. Во-вторых, рамочная и внутрирамочная конструкции неравноправны и в другом отношении: внутрирамочная конструкция, представляющая собой «картинку», синхронизирована во времени и пространстве моменту наблюдения и не чувствительна к различиям в особенностях модуса. Одна и та же «картинка» может вводиться модусными предикатами истинностного (*видеть, заметить*) и ложного восприятия (*казаться, мерещиться*), предикатами, дистанцированными во времени от момента наблюдения (*вспомнить*), а также предикатами мысленного взора (*вообразить, представить себе*). В-третьих, «картинка» не предполагает однократного состояния или действия. Перцептивный образ может концентрировать одинаковые ситуации и аккумулировать их в одну, показателем чего служит частица *бывало*.

Отношения к референтному / нереферентному употреблению ИГ внутри рамки оказываются более сложными и опровергают первоначальное предположение о невозможности нереферентных ИГ в перцептивном модусе. Традиционно считается, что неопределенные местоимения *-нибудь* употребляются в контексте предикатов в вопросительных и побудительных предложениях, в контекстах условной, же-

лательной модальности, а также модальности нереализованного условия. Однако местоимение *-нибудь* может быть совместимо с предикатом настоящего времени во внутрирамочной конструкции в перцептивном модусе, обозначая невыбранный, неважный для субъекта модуса объект. Т. о. нереперентный объект совместим с маркированной разновидностью перцептивного модуса: модусом мысленного зрания. (*Я представляю себе, как кто-нибудь разжигает печь*). Модусы реального (*видеть*), дистанцированного во времени восприятия (*вспомнить*) не допускают нереперентный объект внутри рамки (**Я видел / вспомнил, как кто-нибудь разжигал печь*). Модусный предикат *видеть* в настоящем времени с неопределенным местоимением *-нибудь* внутри рамки может быть интерпретирован только как глагол мысленного зрания в значении *представлять себе*.

Перцептивный образ, выраженный референтной ИГ, внутри рамки может подвергаться перестройке в плане отнесения к объектам экстралингвистической реальности. Так, антропоним, введенный в текст без обозначения его таксономической принадлежности, первоначально может быть отнесен адресатом к ложному денотату. Подобный прием применил В. Пелевин в повести «Затворник и Шестипалый», в которой при отсутствии таксономического ввода к антропону читательские референциальные гипотезы опровергаются в ходе развертывания повествования.

Интерпретации нулевых элементов в плане референции посвящена работа [3], в которой референциальные нули – невыраженные субъекты – рассматривались на материале определенно-личных и неопределенно-личных предложений. Однако данный термин применим, с нашей точки зрения, и к особым случаям организации текста. В повести

В. Сорокина «Очередь» речь формально ведется от 3 л. ед. ч., однако субъект речи, соотносимый с автором, не представлен в тексте. Повесть построена как диалог персонажей. В тексте представлены только перволичные субъекты речи. Тем не менее, адресат производит акт референции к не выраженным эксплицитно участникам ситуации «за кадром», восстанавливая референцию к субъектам речи и другим актантам. В повести Сорокина имитируется речевой режим, а адресат «дообраивает» ее до нарративного ([5]). Т. о. перцептивный модус не противоречит предъявлению а) многократной, но однообразной ситуации, б) нереперентной интерпретации ИГ при отсутствии таксономического ввода, г) конкретнореферентной интерпретации нулевых элементов.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семантика и информатика. Вып. 28. М., 1986.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988.
3. Булыгина Т. В. Я, Ты и другие в русской грамматике // Res philologica. Филологические исследования. Памяти академика Г. В. Степанова. М.; Л., 1990.
4. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
5. Падучева Е. В. Наблюдатель как эксперимент «за кадром» // Слово в тексте и в словаре. Сб. ст. к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2000.
6. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

«Личности-неличности» категория и ее межкатегориальные связи

Н. В. Чернова

Казахский гуманитарно-юридический университет, Астана (Казахстан)

Личность, посессивность, бытийность, время, локативность

Summary. The author of this article has examined means of expressing the category of person. The author notes the connection of this category with others, such as: locativity, time, reality and possessiveness. Semantic varieties of statements with the meaning of person, which combine the indicated meaning with one of enumerated above have been described in the article.

Категория личности взаимодействует с целым рядом категорий, в частности, с посессивностью. Посессивность в таких высказываниях выступает как компонент значения. В пределах категории посессивности категория личности проявляет себя в высказываниях со значением обладания, принадлежности, где посессивная ситуация сочетается с бытийной: *Конечно, у Грушеньки были деньги* (Достоевский). *Эта книга моя*.

В высказываниях со значением характеристики человек представлен как «набор», «комплекс» некоторых свойств, качеств: *В нем есть Божья искра*. Субъект может быть представлен как «посессор» событий, участником которых он является: *Скушно у вас, – говорили бабы и уходили куда-нибудь на соседний прииск к Ястребову* (Д. Мамин-Сибиряк).

В некоторых «личных» высказываниях посессивная ситуация сочетается с ситуацией состояния: *У меня на сердце без тебя метель*. (Есенин). Субъект других «личных» предложений является «обладателем» свойств, качеств, различных психических манифестаций: *У него был чудесный голос*. Высказывания, в которых состояние человека описывается «извне», имеют в своем составе местоимения 3-го лица: *У нее вспыхнул румянец*. Высказывания, в которых субъективные ощущения, не поддающиеся внешнему наблюдению, описываются как бы «изнутри», имеют в своем составе местоимения 1-го лица. Эти местоимения указывают, что субъектом-экспериментером является говорящий: *У меня сердце ноет*. При указании на часть тела экспериментер выражен формой Р. п. (с предлогом): *У меня болит голова*. Если состояние представлено «глобально» – формой Д. п.: *Тошно мне, дедушка... – шептал он задыхавшимся голосом* (Д. Мамин-Сибиряк).

Категория личности связана также с категорией бытийности, которая объединяет «различные варианты существования, бытия, наличия» того или иного лица. Бытийность может быть представлена предикатами существования: *быть, существовать, бывать, находиться* или их отрицательным

эквивалентом *нет*: *Неужели такие женщины существуют?* (С. Аверченко). *На наше счастье в приемной находился в тот момент доктор с ассистентом и два здоровенных слугителя в белых халатах* (С. Аверченко). *Тем более что я теперь каждый почти день бываю в скетинг-ринге* (С. Аверченко). *Мне нет покою!* (Б. Ахмадулина).

Иногда говорящий бытийное высказывание использует «как форму для выражения небытийного содержания». Такой формой может быть передано состояние говорящего или изменение свойств субъекта высказывания: *Какое счастье – нет души, нет разума, есть только ноги. Его, прежнего, с прежней судьбой, с прежним характером, уже нет* (Николаева). Глагол *бывать* в сочетании с конкретным субъектом обозначает простую повторяемость, при обобщенном субъекте – временную обобщенность действия-состояния: *Я в их церквях бывал* (В. Брюсов). Значение бытийности при наличии субъектных определений осложняется значением качественной характеристики: *Мы все – погорельцы* (Е. Евтушенко). *Ты – сын столицы, раб каменьев, раб толты* (В. Брюсов). Качественное значение передается также односоставным номинативным предложением: *Бессонница!* (М. Цветаева). *Тоска по родине!* (М. Цветаева).

Не всегда возможно провести четкую грань между высказываниями с бытийной и локативной семантикой: *Мне казалось, что бабушка плачет. Но не было слез на этом узком горбоносом лице* (Ильина). Чаще всего бытийно-локативная семантика представлена в комплексе. Положение субъекта в пространстве передают экзистенциальные глаголы *быть, находиться*, указывающие на местонахождение субъекта: *Через два часа мы были почти у цели*. И позиционные глаголы *стоять, лежать, сидеть*, уточняющие позицию субъекта в отношении одного из трех измерений: *Она стояла между шкафом и окном ни жива ни мертва* (Ф. Достоевский). *Он сидел у стола и читал роман* (Ф. Достоевский). Способ перемещения субъекта в пространстве передается транслокальными глаголами *идти, ехать, бежать, плыть*,

лететь: *Вскоре все шло по неопределенному маршруту* (Л. Улицкая). Пространственные глаголы, не имеющие информационного потенциала, могут быть опущены. В таких случаях перемещение субъекта выражается эллиптически: *Ты с рассказом к нему веселым – он без звука к себе на печь* (Н. Рубцов). Движения субъекта, не меняющего своего места, передаются интралокальными глаголами *шевелиться, дрожать, шататься*: *Огромная рыхлая женщина, укутанная с ног до головы в грубый байковый халат, зашевелилась, повернулась к окну боком* (Л. Улицкая).

Говоря о связи категории личности с категорией времени, мы имеем в виду противопоставление конкретного действия

(состояния), прикрепленного к какому-то моменту времени, действию (состоянию) вневременному (неограниченно повтораемому, обычному или обобщенному): *Лицезишь вчерашний день, а он уже прошел. К пирогам идут, а от работы бегут. Бездельник придет – от работы оторвет. Добрая жена дом бережет, а худая рукавом растрясет. Я у них обедал* (М. Лермонтов). В одном высказывании могут быть противопоставлены действие, локализованное во времени, и не локализованное: *Прейден слушал ее внимательно, как доктор слушает рассказ пациента* (Д. Мамин-Сибиряк). В таких высказываниях можно говорить не только о сопоставлении предикатов, но и субъектов – конкретного и обобщенного.

Омонимия субъектных синтаксем

Чжан Юйпин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва / Китай

Синтаксис, семантика, коммуникативная грамматика, неоднозначность, омонимия, синтаксема, типология синтаксем

The following questions are considered in the report:

- Differentiation of dictum and modus syntaxemes at the level of a text.
- Correlation between subject modus syntaxemes and modus frame.
- Homonymy of subject syntaxemes.

1. Омонимия – это один из типов системных отношений между языковыми единицами. Омонимичными принято называть морфемы, лексемы, словоформы, тождественные в плане выражения и несоотносимые (на уровне синхронии) в плане содержания.

2. Минимальные синтаксические единицы (синтаксем), образуя систему, могут находиться как в отношениях синонимии (например, каузативные, директивные или темпоральные) и в отношениях омонимии. Эти системные связи синтаксем в значительной мере представлены в «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой. В словарных статьях, посвященных конкретным предложно-падежным формам, показаны семантические и функциональные различия синтаксем.

3. Если свободные синтаксем идентифицируются по категориально-синтаксическому значению (например, локативные), а связанные соотносятся с классами лексем (часто релятивной семантики), то обусловленные синтаксем интерпретируются через предикативную единицу, в рамках которой они и являются носителем категориально-синтаксического значения.

4. Однако типология синтаксем не соотносилась с разграничение диктума и модуса. Если учитывать тот факт, что в каждом высказывании выделяется диктум и модус как объективная и субъективная части смысла (основная, содержательная информация передается диктумом, а дополнительная, оценочная, интерпретирующая – модусом), то следует признать, что деление содержания высказывания на

диктум и модус обуславливает деление субъектов на два класса: субъект диктума и субъект модуса.

5. Особую трудность для интерпретации представляют субъектные синтаксем, образованные от имен личных (*у брата, для брата, перед братом*) и местоимений (*у меня, для него, по мне, передо мною*). Анализ этих синтаксем на фоне субъектной перспективы показывает, что за ними могут стоять разные типы субъектов: субъект диктума (субъект действия, субъект состояния, субъект-посессор, субъект-каузатор) или субъект модуса (субъект мнения и речи). Особенность этих синтаксем состоит в том, что их омонимия «снимается» не на уровне предложения (*У нее всегда все хорошо*), а на уровне текста. (Ср. пример из сказки А. С. Пушкина: *Глядь: опять перед ним землянка; На пороге сидит его старуха, А перед нею разбитое корыто*).

6. В «Коммуникативной грамматике русского языка» (М., 2004) в разделе, посвященном явлению авторизации, рассматривались субъектные авторизирующие синтаксем, которые возводились к одному из пяти типов модусных рамок. Соответственно субъектные модусные синтаксем оказываются соотношенными с перцептивной модусной рамкой (*перед + творит.*), ментальной (*y + род.*).

7. В докладе будут рассмотрены текстовые условия (коммуникативный регистр речи, субъектная перспектива, синтаксическая композиция) функционирования модусных субъектных синтаксем, а следовательно, «правила снятия» системной омонимии субъектных синтаксем.

Нестандартный способ выражения размера и количества: конструкции уровня*

О. Ю. Шеманаева

ОЛИ ВИНТИ, Москва

Размер, количество, уровень, динамическая конструкция, антропоцентричность

Summary. This paper discusses special type of size- and quantity measuring in Russian – dimensional, or level, constructions (*the snow is knee-deep, the water is breast-high*). The level constructions are anthropocentric and deal with the measuring of uncountable objects as well as countable ones. Generally, it does not give an exact measure, but estimates the quantity and size of an object as relatively big. Therefore it forms a group of metaphors of high degree.

Пространственный уровень как показатель большого размера

Существуют различные способы выразить размер предмета в русском языке, например, при помощи параметрических прилагательных *большой / маленький¹, высокий / низкий, широкий / узкий*, генитивной конструкции *большого / маленького / среднего / гигантского роста*, сравнительной конструкции вида *X как Y (собака как лошадь); X что / ровно (твой) Y (яблоко что твой арбуз)*, действительных слов *вот такой / вот такой, вот такой ширины / высо-*

ты / толщины, достаточно идиоматичные конструкции вида *X (Y-ом) в / с Z: канат толщиной в руку, путь длиной в сто метров, мешок весом в пуд, мальчик ростом с пальчик и X(-а) на Z: стол на двадцать персон; в этом пруду тины на две сажени; мусора на сорок телег*.

Кроме абсолютных размеров предметов (длины, ширины, высоты, толщины), в русском языке мы можем измерять переменный вертикальный размер как **уровень** какого-либо вещества или роста предмета относительно человека (снизу вверх – *вода по циклолотку* и сверху вниз – *челка по брови*).

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант №05-06-80396.

¹ Исследования размера и количества в языке см. [2], [3].

В русском языке конструкция уровня представлена предложениями конструкциями типа *трава по пояс, сестра мне по плечо* (X Y-у V по Z); также они называются дименсивными (от англ. *dimension* – ‘измерение’) в Синтаксическом словаре Г. А. Золотовой [1, 148–149, 359–360].

В отличие от стандартных размеров, уровень в конструкции с предлогом *по* почти всегда связан с присутствием человека в ситуации и непосредственным контактом человека с объектом: человек находится в некоторой среде, погружается в нее и т. п. (Обратим внимание, что конструкция предела с предлогом *до* (*до колена, до потолка*), которую также используют для обозначения уровня, не связана в такой степени с человеком).

В принципе, вещества не имеют размера, потому что не имеют формы, ср. такие невозможные примеры, как **сахар шириной / высотой / глубиной 3 см*. Размер имеют искусственно или естественно выделяемые кванты вещества – ср. *нефтяное пятно шириной 25 см; градина размером с голубиное яйцо* – т. к. они дискретны, со всех сторон ограничены в пространстве и могут быть измерены. Понятно, что вещество может быть измерено, будучи помещено в контейнер. Тем не менее, некоторые вещества измеряются и в неограниченном объеме – правда, только в отношении вертикального объема. Речь идет о таких веществах, которые образуют естественные слои на поверхности: песок, пыль, грязь, снег, вода и – особняком – трава и туман.

Количество вещества измеряется **только** относительно человека: когда измерение ведется относительно человека, определяется уровень, и количество вещества (*травы по грудь / снега по пояс*), и одновременно «скрытость» измеряемого объекта средой. В случае измерения уровня относительно частей предметов, а не частей тела человека мы определяем только то, насколько «скрыт» сам предмет: *дом утопает в зелени по самую крышу / заметен снегом по окна, машина увязла по колеса в грязи по не уровень или количество вещества *зелени по крышу, *снег по окна, *грязи по колеса*.

Объекты, не являющиеся слоями, не имеют количества, а только размер, ср.: *сапоги по колено* vs. **сапог по колено*. Но и объекты – сплошные массы, измеряемые **сверху вниз**, тоже не имеют размера, обозначенного уровнем: **волос по плечи, *тумана по плечи*.

Возможность измерения вещества может зависеть от того, где находится вещество – в ограниченном пространстве (помещение, комната) или в природном водоеме (река, озеро): *в ванной / в лодке / на кухне воды по щиколотку* vs. **в озере / в реке воды по щиколотку*.

К вопросу о русских безличных предложениях

Э. Г. Шимчук

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Безличное предложение, нулевое подлежащее, неопределенность, обобщенность.

1. Во многих безличных конструкциях русского языка исследователи постулируют нулевое подлежащее, которому соответствует актант с рядом значений – ‘стихия’, ‘среда’, ‘высшая сила’ ([2], [3], [1]). Рассмотрение глагольных предложений, выражающих сообщение о метеорологических явлениях (*Светает; Вьюжит*) и внутреннем состоянии лица (*Мне нездоровится; Меня знобит*) дает возможность предположить, что такая незаполненная валентность характерна не для всех безличных конструкций и, во-вторых, если она имеется, ей соответствует актант с дополнительным значением неопределенности или обобщенности.

Анализ опирается на примеры, полученные из Национального корпуса русского языка и Корпуса текстов Лаборатории общей и компьютерной лексикологии филологического факультета МГУ, Картотеки древнерусского языка XI–XVII вв., а также всех авторитетных толковых словарей русского языка – как современных, так и исторических.

2. Конструкции с метеорологическими безобъектными глаголами описывают проявления в с е й природы (*Уже смеркает*) или процессы, вызванные природной стихийной силой (*С утра вьюжит*). Существование в этих структурах подлежащего подтверждается наличием многочисленных примеров с не нулевым подлежащим со значением ‘стихия’, а также ‘место’ или ‘время’ (*С утра вьюжит метель;*

Внутренние уровни – по горло и по уши – как квантификатор-максимум

Части тела в языке являются донорской зоной для образования метафор и сдвигов значения, и конструкция уровня не является исключением в этом отношении. Названия частей тела дополнительно распределены по пространственной и метафорической конструкциям: те из них, которые встречаются в метафорических выражениях (*по горло, по уши*), гораздо реже или совсем не встречаются в исходных, т. е. чисто пространственных конструкциях уровня: *он по уши в траве, сидит по горло в воде*.

Метафорический сдвиг заключается в смене класса субстанции на абстрактное имя (*работа, долги, дела*): *работы / дел по горло, по уши в долгах*. Существует две возможных интерпретации семантического перехода в этой конструкции. Во-первых, *работа, дела* или другая деятельность могут концептуализироваться как вещество или среда, в которую человек **погружен по горло / по уши** – это внешний, уровневый подход к среде и человеку в ней. Синтаксически эту идею воплощают такие сочетания, как *<быть> в работе / в долгах по горло*. Вторая гипотеза состоит в том, что определенные абстрактные субстанции (*дела, работа, долги*) постепенно поднимаются изнутри человека и доходят ему уже до горла, так что он не может дышать и нормально функционировать. Это новое значение для конструкции уровня – значение внутреннего движения – вносит семантика слова *горло*, единственного органа человека, который должен быть признан внутренним, но способен быть маркером уровня.

Несмотря на то, что теоретически выше ушей и горла находится еще макушка, абстрактные сущности измеряются с помощью этих максимумов (Ср., однако, такие метафоры большого количества, связанные с погружением и с исчезновением под большим слоем, как *выше головы и выше крыши*).

Метафора погружения человека в класс некоторых сущностей, как в воду, поддерживается и в следующих выражениях большого количества: *работы полно, хоть отбавляй*.

Литература

1. Золотова Г. А. Синтаксический словарь (репертуар элементарных единиц русского синтаксиса). М., 2001.
2. Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2004.
3. Урысон Е. В. Семантика величины // Языковая картина мира и системная лексикография / Под ред. Ю. Д. Апресян и др. М., 2006.

Степь уже смеркает; День уже светает). Подлежаще-но-сказуемые «метеорологические» предложения могут иметь и подлежащее, выраженное местоимением *всё*: *Кругом всё смеркло* (Пушкин).

О наличии подлежащего, которому соответствует актант со значением ‘среда’ или ‘стихия’, говорит также:

1) возможность образования причастий типа *рассветающий, вечеряющий* (многочисленные контексты со словосочетаниями *рассветающий день, рассветающее / светящее небо, вечеряющее солнце* засвидетельствованы в русском литературном языке не только XIX, но и XX в.);

2) употребление форм повелительного наклонения, указывающих на участника ситуации в контекстах типа *Пусть светает, пусть наступит день! Наше дело прокукарекает, а там хоть и не рассветай!*

Есть основания рассматривать метеорологические несогласованные (безличные) предложения – с устраненным подлежащим – как параллельные подлежаще-но-сказуемым с выраженным подлежащим. С семантической точки зрения тавтологичное подлежащее части подобных предложений (ср. *вьюжит вьюга, гремит гром, погода распогодилась, морозит мороз, дождит дождь* и т. п.). инкорпорировано в предикат и потому избыточно. Однако его устранение не проходит бесследно: несогласованная модификация

отличается от исходной структуры значением неопределенности ('неопределенная стихийная природная сила').

В другой группе метеорологических подлежащно-сказуемых предложений – с подлежащим, имеющим значение места или времени природного явления, – устраняющееся подлежащее также избыточно, так как называется то, что «предполагается» природой как обязательно имеющее место в определенный момент суточного цикла. Обобщенное значение подобных предложений обусловлено тем, что они описывают состояние всей природы (*светает, смеркается, вечерет – всё*).

Обращение к предшествующим этапам истории русского языка позволяет раскрыть некоторые особенности становления и развития несогласованной (безличной) метеорологической конструкции.

3. Что касается двух других конструкций, образуемых предикатами со значением неконтролируемого физического или – реже – эмоционально-психического состояния лица (*Ему нездоровится; Его знобит*), то они описывают внутреннее состояние по-разному. Первые – дативные – сами по себе не указывают на причину (хотя при необходимости она может быть обозначена с помощью сирконстанта, например сентенциального, – как в примере *Мне нездоровится, потому что замучила бессонница*).

Нелинейный синтаксис

Т. В. Шмелева

(Великий Новгород)

Это явление уже привлекало внимание лингвистов по разным поводам – при анализе графических средств речевого воздействия и конкретно рекламы, в рассуждениях о языковом вкусе эпохи или особых явлениях в русском языке конца XX века, при описании языковой игры или современных тенденций русского письма. Наиболее полный анализ этого явления представлен в специально посвященной ему статье [4], где и предложено терминологическое обозначение **графические окказионализмы**. Речь идет о получающих все большее распространение написаниях типа *ПриватиЗАция; сотрудничестВО!; ПравДА!*.

Представляется правомерным утверждать, что они могут быть интерпретированы как **комплексы**, выполняющие роль высказывания или его фрагмента. Это означает, что мы имеем дело с особой синтаксической техникой, которая, в отличие от классической, держится не на линейном соединении лексем и потому может быть названа **нелинейной**.

Общий принцип нелинейного синтаксиса – дифференциация графического облика слова, обеспечивающая «вычитывание» в нем второго слова и осмысление их смысловых отношений. Для такой дифференциации используется в первую очередь различие строчных и прописных букв (см. название статьи Е. В. Клобукова [4]!); пиктографемика, а также иноалфавитные знаки (для этого средства предлагаю использовать термин *ксенография*).

Что касается семантической природы таких комплексов, то материал позволяет увидеть, по крайней мере, два их типа.

1. **Субъектно-предикатные** комплексы представляют случаи существительные со встроеными в них «словечками» *ЗА, ВО, ДА, ОК*. Они прочитываются как оценочные высказывания, где первое слово оказывается субъектом, а востроенное – предикатом: *КачествоВО!* = 'Качество – отличное!'; *Комсомольская правДА!* = 'Комсомольской правде – да!'.
2. **Пропозитивно-элементные** комплексы обозначают событийные пропозиции первым словом и один из ее элементов вторым: *Когда же мы оДУМАемся?* = обзаведемся Думой? (пропозиция + объект); ХРУСТЕАМ = хрустит в хорошей команде / компании (пропозиция + коагенсы).

Особенностью этого синтаксиса оказывается его **фактурная привязанность** – он «работает» только в печатных текстах и результаты его работы не могут быть озвучены. Это очень важная речевая характеристика, ведь синтаксические механизмы в принципе фактурно индифферентны.

Если иметь в виду сферы речи, то «удел» таких комплексов – массовая коммуникация, политический дискурс,

Вторые – аккумулятивные – описывают состояние, у которого есть внешний стимул, а соответствующая ему валентность заполняется предложно-падежной формой (*от + Р*): *знобит от холода, тошнит от этого запаха, трясет от страха* и под. Можно обратить внимание, что в диалектах и языке фольклора (но не в современном литературном языке!) отмечены тавтологичные подлежащно-сказуемые образования типа *лихорадка лихорадит, трясся трясет, озноб / мороз знобит* и под. По-видимому, устранение избыточного подлежащего могло создать конструкцию, сблизившуюся в дальнейшем с безличной дативной, при этом каузатор состояния был понижен в ранге и представлен как стимул.

Таким образом, классические безличные предложения могут сохранять незаполненную позицию подлежащего, хотя это не обязательно. Актант, соответствующий нулевому подлежащему, «незримо» выражает ту или иную семантическую роль.

Литература

1. *Иомдин Б. Л.* Языковая модель понимания // В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян и др. Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006.
2. *Мельчук И. А.* О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций / Отв. ред. Л. А. Холодович. Л., 1974.
3. *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001.

реклама. Пространство бытования этого языкового явления – это тексты городской среды и газетной полосы; в редких случаях – телеэкран, поскольку на нем фигурирует не только звучащая речь, но и надписи. Недаром одним из первых таких текстов стал **призыв ПриватиЗАция!**, украсивший все города, газеты и телеэкран в соответствующую эпоху.

Жанровые возможности нелинейного синтаксиса ограничены. В первую очередь он используется в **названиях** – статьи (*НаЗИДАНИЕ*) или рубрики (*Хорошо СДим*); городского объекта (*БлинОК*) или товара (*ЧайОК*). Функционально такие названия близки высказыванию, жанр которого можно определить как заявление, мини-манифест. Симптоматично, что при рассмотрении графических окказионализмов Е. В. Клобуков упоминает о жанре *однословия*. Наиболее объемными для рассматриваемого синтаксиса оказываются жанры **рекламный слоган, призыв, лозунг**.

Иногда эти жанры могут действовать заодно; так, пачка чая «ЧайОК» (бренд) украшена рекламным слоганом *Дело спорится быстрее, пейшь «ЧайОК» и все ОКей!*. Кстати, словечко ОК(ей) вычитывается и в названиях кафе *БлинОК* (Новгород, Новосибирск), магазинов *ПерекрестОК* (СПб, Новгород) и тарифа мобильной связи *GOOD'OK*.

В объяснении природы нелинейного синтаксиса можно вспомнить о тенденции к расчлененности, которая распространяет свое действие на пространство слова. Кроме того, рассмотренные факты говорят и еще о двух существенных моментах современной речевой культуры: усилении визуального начала современной культуры, или ее визуализации; повышении престижа неканонического, авангардного, даже эпатажного.

Литература

1. *Акимова Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.
2. *Григорьева Т. М.* Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 2004.
3. *Дзякович Е. В.* Власть графического знака в СМИ и рекламе // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 4. Власть и речь. Саратов, 2004. С. 218–225.
4. *Клобуков Е. В.* Строчная или прописная? (о семантике, прагматике и словообразовательных следствиях графического эксперимента) // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора К. В. Горшковой. М., 2001. С. 347–362.
5. *Эпштейн М. Н.* Слово как произведение: о жанре однословия // Новый мир. 2000. № 9.